

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЭКОНОМИКА СИБИРИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

Том 6
Традиции и новации
в институциональном развитии регионов

Сборник статей

Под редакцией
д.э.н., профессора Г.П. Литвинцевой
к.э.н. О.И. Гулаковой

Новосибирск
2018

УДК 330+334
ББК 65.01+65.9

Э 40   **Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века: сборник статей в 6-ти т.** Том 6: Традиции и новации в институциональном развитии регионов / под ред. Г.П. Литвинцевой, О.И. Гулаковой – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. – 117 с.

ISBN 978-5-89665-319-6

Сборник статей сформирован по итогам всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века» и включает в себя статьи докладов, представленные на секции 6 *«Традиции и новации в институциональном развитии регионов»*.

Материалы сборника содержат результаты, касающиеся проблем и перспектив институционального развития регионов Сибири, России и других стран. Публикуемые материалы могут содержать спорные авторские идеи и помещены в сборнике для дискуссии.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей и студентов вузов, представителей государственной власти и бизнес сообщества, интересующихся актуальными проблемами социально-экономического развития Сибири.

Сборник статей опубликован при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №18-010-20049

ISBN 978-5-89665-319-6

© ИЭОПП СО РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

INSTITUTE OF ECONOMICS
AND INDUSTRIAL ENGINEERING
SIBERIAN BRANCH OF
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ECONOMY OF SIBERIA
UNDER GLOBAL CHALLENGES OF THE XXI CENTURY

Volume 6
Traditions and innovations
in institutional development of regions

Collection of articles

Edited by
G.P. Litvintseva,
O.I. Gulakova

Novosibirsk
2018

Economy of Siberia under Global Challenges of the XXI Century. Volume 6: Traditions and innovations in the institutional development of the regions / ed. G.P. Litvintseva, O.I. Gulakova – Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2018 – 117 p.

ISBN 978-5-89665-319-6

The collection of articles contains the results of the All-Russian Scientific Conference with International Participation "Economy of Siberia under Global Challenges of the XXI Century" presented at Section 6 "Traditions and innovations in the institutional development of the regions."

The materials of the collection contain the results concerning the problems and prospects of institutional development of the regions of Siberia, Russia and other countries. Published materials may contain controversial author's ideas and have been included into the collection to provoke discussion.

This book will be of great value to scientific researchers, lectures and students of economic departments of universities, government officials and the business community who are interested in actual problems of the social and economic development of Siberia.

Collection of articles has been printed with financial support of Russian Foundation for Basic Research, project №18-010-20049

ISBN 978-5-89665-319-6

© IEIE SB RAS, 2018
© Group of authors, 2018

Конференция «Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века», посвящённая 60-летию ИЭОПП СО РАН (г. Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, 18-20 июня 2018 г.) проведена: при финансовой поддержке:

Российского фонда фундаментальных исследований,
проект №18-010-20049,

Российской академии наук,

ПАО «Кузбасская топливная энергетическая компания»,

Фонда собственника целевого капитала «Эндаумент НГУ»,

совместно с:

ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет»,

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
технический университет»,

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
университет экономики и управления «НИНХ»,

при поддержке:

Сибирского отделения Российской академии наук,

Федерального агентства научных организаций России.

The conference "Economy of Siberia under Global Challenges of the XXI Century" dedicated to the 60th anniversary of the IEIE SB RAS (Novosibirsk, IEIE SB RAS, June 18-20, 2018) is organized:

with financial support of:

Russian Foundation for Basic Research, project №18-010-20049

Russian Academy of Sciences,
Kuzbass Fuel Energy Company,

The fund-owner of the target capital "Endowment of NSU",

together with:

Novosibirsk State University,

Novosibirsk State Technical University,

Novosibirsk State University of Economics and Management,

supported by:

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Federal Agency of Scientific Organizations of Russia.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемый Вашему вниманию сборник содержит материалы секции «Традиции и новации в институциональном развитии регионов» Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века», посвящённой 60-летию ИЭОПП СО РАН, проходившей 18-20 июня 2018 г. в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. (г. Новосибирск). Статьи, представленные в данном сборнике, посвящены представлению и обсуждению результатов исследований, касающихся проблем и перспектив институционального развития регионов Сибири, России и других стран. Научная дискуссия охватывает актуальные вопросы институциональной экономической регионалистики, такие как рутинизация и инновационность региональных процессов, трансакционные издержки на региональном уровне, формирование контрактных систем, проекты создания или изменения институтов региональными органами власти и управления, региональная политика и др.

В сборнике обсуждаются следующие вопросы:

– проблемы институциональной регионалистики, в т.ч. прав собственности, контрактации, институциональных изменений, трансакционных издержек (Растворцев Е.Е., Базарбаева Р.Ш., Литвинцева Г.П.);

– значимость внутрикорпоративных институтов и институтов социальной ответственности бизнеса (Валиева О.В., Адова И.Б.);

– сочетание традиционных и инновационных практик в деятельности органов власти и управления, а также вопросы экономической политики в регионах (Капогузов Е.А., Маркелов В.А.);

– влияние институциональных условий на развитие банковского сектора, выбор инвестиционных проектов, повышение эффективности управленческих процедур на региональном уровне (Бондаренко И.В., Новикова Т.С.).

Результаты исследований, представленные в данном издании, призывают особое внимание уделять нижеприведенному кругу теоретических аспектов институционального развития регионов:

- влиянию исторической обусловленности развития и эффектов блокировки для оценки эффективности взаимодействия бизнеса, государства и общества, включая идеи общественного контроля, модернизации государственной контрактной системы, обоснованности конкурентной, промышленной, инвестиционной, образовательной и учетной политики;

- зарождающимся институтам цифровой экономики, влиянию интеллектуальной собственности, связи институтов с новыми технологическими платформами, в т.ч. на региональном уровне;

- положительным и отрицательным последствиям управления по метрикам в коммерческих и государственных организациях.

Кроме того представленные материалы позволяют предложить Вашему вниманию рекомендации практического характера. Необходимо при принятии решений в области институциональной экономической регионалистики:

- органами власти и управления, а также институтами гражданского общества, такими как торгово-промышленная палата, являющейся организатором различных форм государственно-частного партнерства в регионах учитывать влияние изменения формальных правил, включая правила контрактации (в сфере государственных закупок, контрольно-надзорной деятельности, разработки дорожных карт конкуренции на региональном уровне и др.). Не подкрепленные финансами обязательства должны быть исключены;

- усилить применение знаний о влиянии информационных и других рутин, внутрикорпоративных институтов на развитие предпринимательства; институциональных условий развития человеческого капитала и НИОКР; новых проявлений оппортунизма в условиях «революции метрик»;

- оценивать транзакционные издержки институциональных изменений, разрабатывать более полные и

практичные методики оценки их эффективности на региональном уровне;

- использовать механизм выявления предпочтений для формирования спроса на регуляции и новейшие методы априорного исследования (такие как правовые эксперименты, регуляторные песочницы, регуляторные гильотины и т.п.) при разработке и внедрении институтов на всех уровнях.

*д.э.н. Г.П. Литвинцева,
к.э.н. В.В. Мельников
к.э.н. О.И. Гулакова*

АДОВА И.Б.

Новосибирский государственный университет экономики и
управления,

Новосибирский государственный технический университет
г. Новосибирск, Россия

**ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
БИЗНЕСА: МЕТРИКИ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ НА
РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Рассмотрены концепция и роль институтов социальной ответственности бизнеса в развитии региона. Представлен авторский подход к оценке уровня социальной ответственности бизнеса на основе открытых данных. На примере организаций телекоммуникационного сектора экономики выполнена количественная оценка уровня социальной ответственности перед персоналом и её визуализация. Обсуждаются ограничения в использовании данного подхода на региональном уровне.

Ключевые слова: институты, социальная ответственность бизнеса, регион, метрики и показатели.

ADOVA I.

Novosibirsk State University of Economy and Management,
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia

**INSTITUTIONS OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF
BUSINESS: METRICS AND THEIR RESTRICTIONS ON
THE REGIONAL LEVEL**

The concept and role of the institutions of social responsibility of business in the development of the region are considered. The author's approach to assessing the level of social responsibility of business based on open data is presented. On the example of organizations of the telecommunications sector of the economy, a quantitative assessment of the level of social responsibility to the staff and its visualization is carried out. Limitations in the use of this approach at the regional level are discussed.

Keywords: institutions, social responsibility of business, region, metrics and indicators.

Концепция института социальной ответственности бизнеса, зародившаяся еще в 1980 годы, не теряет своей актуальности и в современном мире. В течение последнего десятилетия её инструменты находились в тренде среди актуального стратегического инструментария управления человеческими ресурсами. Но если в 2009-2012 годах по результатам совместных исследований международной консалтинговой компании PwC и Всемирной федерация управления людьми WFPMA были выявлены лишь общие высокие возможности применения концепции управления социальной ответственностью бизнеса [1], то в настоящее время, по данным The HR Trend Institute, в рамках тренда 2017 года эта концепция конкретизирована в таких релевантных аспектах, как власть людей (People Power), технологические возможности (Technology Driven), (The New Norm) и расширение партнерства с некоммерческими организациями (More Partnerships with NGOs) [2]. В то же время руководители крупнейших организаций мира, участвующие в регулярных исследованиях компании Bain&Company [3], отмечают значительные бизнес-возможности использования продвинутой аналитики, которая основывается на цифровых технологиях Big Data, Text Mining и т.п., требующих цифровизации, в том числе социальных процессов и результатов. В связи с этим выполненное исследование является актуальным.

Теоретические предпосылки социальной ответственности бизнеса связаны с именами таких исследователей, как Г. Минцберг (Mintzberg), Ховард Боуэн (Bowman), Кейс Девис (Davis), Милтон Фридман (Friedman), Арчи Кэрролл (Carroll) и др. В отечественной науке эти проблемы исследовали такие учёные, как Е. Балацкий, Ю. Благов, Т. Гришина, Т. Кравцова, Г. Литвинцева, Г. Минигулова, Е. Нехода, Л. Никитина, В. Раковская, Е. Стукаленко и др. [4-8].

Эволюция становления институтов социальной ответственности бизнеса на международном и национальном уровнях, исследованная нами ранее [9, 10], позволила

констатировать поступательное развитие институциональных оснований в части распространения социальных инициатив, формализации и прозрачности социально-ответственной деятельности посредством конвергенции российских базовых индикаторов результативности с международными стандартами GRI.

В то же время выявлены барьеры, препятствующие укреплению институтов социальной ответственности бизнеса на основе концепции корпоративного гражданства. В частности, это неадекватность законодательных коллизий, несформированность контрольно-аналитических процедур и методов оценки уровня социальной ответственности, неоднозначность алгоритмов расчета отдельных показателей, включенных в систему и их интерпретации, отсутствие в свободном доступе баз данных и отдельных метрик, нежелание вводить внутрикорпоративные управленческие учетно-информационные системы, недостаточно продвинутые социальные платформы. Помимо этого, также возникает противоречие: российские организации, действующие на локальных рынках, не формируют, как правило, интегрированную отчетность, а организации федерального и транснационального уровня в своей интегрированной отчетности не раскрывают в полной мере вклад в развитие местных сообществ.

Исходя из общего определения института как совокупности правил и формальных процедур, которые являются ограничениями в поведении экономических агентов и упорядочивают взаимодействие между ними, институты социальной ответственности бизнеса включают международные стандарты и руководства, составленные в соответствии с ними отчеты, нормативные правовые акты национального, регионального, локального масштаба.

В России также принят ряд профессиональных этических кодексов. В качестве площадок для обсуждения и выработки рекомендаций по регулированию отношений между бизнесом и государством проводятся форумы (например, «People Investor» «Корпоративное волонтерство»), конференции, круглый столы и иные Events.

Деятельность одного из ведущих деловых объединений России «Ассоциация менеджеров», созданного почти 20 лет назад, направлена на переход к социально ответственным стандартам ведения бизнеса и интеграцию в глобальную экономику. Этой организацией регулярно организуются конкурсы: направленный на выявление лучшего управленческого опыта «Топ-1000 российских менеджеров», который связан с развитием социальной роли бизнеса, а также «Топ-50 менеджеров по корпоративной социальной ответственности», который выявляет наиболее эффективных управленцев, основываясь на оценке представителей сообщества диалога бизнеса и власти [11].

Имплементация концепции институтов социальной ответственности бизнеса требует релевантной статистической и эмпирической базы.

В рамках выполненной научно-исследовательской работы на основе сравнительного анализа существующих подходов и методов [12] разработана собственная методика оценки уровня социальной ответственности бизнеса перед персоналом как основным внутренним стейкхолдером.

Представленная методика последовательно реализуется в несколько этапов:

- формирование системы информационного обеспечения для проведения оценки;
- дизайн электронных таблиц с алгоритмами оценки;
- внесение пертинентной информации;
- расчёт и визуализацию сбалансированности оценки в рамках трех направлений;
- интерпретация полученных результатов.

3D-модель оценки уровня социальной ответственности подразумевает расчет итогового показателя с помощью балльно-рейтинговой оценки по трем направлениям:

- социальная направленность оценена по 49 количественным и качественным показателям;
- финансово-экономическая направленность – по 12 количественным аналитическим показателям;
- инфо-коммуникационная направленность – по девяти качественным показателям.

За основу принят перечень показателей GRI G4, дополненный с учетом всесторонней оценки уровня социальной ответственности и доступности информации для внешних пользователей.

Баллы в зависимости от формы представления показателей распределяются следующим образом:

– для количественных показателей – среди сравниваемых объектов выбирается тот, чей результат является лучшим, и ему присваивается 1 балл, количество баллов для остальных объектов рассчитывается пропорционально значению их показателю;

– для качественных показателей используется метод экспертной оценки (при несоответствии устанавливается нулевая оценка, полном соответствии эксперт присваивает балл, при частичном – долю соответствия от 0,1 до 0,9)

После подсчета всех показателей и присвоения им баллов формируется итоговое значение каждого направления и рассчитывается доля соответствия эталону (MP – Matching proportion) по формуле (1):

$$MP = x_i / y, \quad (1)$$

где x_i – количество баллов, полученных i -ым объектом;

y – количество баллов объекта-эталона, совпадает с числом рассматриваемых параметров в данном направлении.

Под i -м объектом подразумевается конкретная организация, выбранная в качестве объекта наблюдения за анализируемый период.

Уровень социальной ответственности перед персоналом $Level_{SR}$ определяется по формуле (2) как среднее арифметическое полученных результатов по трем направлениям:

$$Level_{SR} = (MP_S + MP_F + MP_I) / 3, \quad (2)$$

где MP_S – доля соответствия социального направления эталону;

MP_F – доля соответствия финансово-экономического направления эталону;

MP_1 – доля соответствия инфо-коммуникационного направления эталону.

Для полноценной оценки предложено дополнительно определить сбалансированность анализируемых направлений посредством корректировки показателей MP_i , полученных ранее, с помощью формулы (3):

$Adjusted\ Indicator_i = MP_i / \sum MP_i = MP_i / (MP_S + MP_F + MP_I)$, (3)
где MP_i – доля соответствия одного из корректируемых направлений.

В табл. 1 спроектирована матрица условных обозначений взаимосвязи уровня социальной ответственности и её сбалансированность по направлениям.

Для выполнения аналитических расчетов в ходе исследования сформирована база данных, включающая по каждому объекту наблюдения:

совокупность таблиц исходных данных в динамике по годам, экспертные показатели и алгоритмы их обработки (согласованность, расчет нормализованных и средних);

аналитические и расчетные показатели по каждому направлению социальной ответственности перед персоналом.

Визуализация результатов в виде графиков также осуществляется по заданным алгоритмам. MS Excel выбран как оптимальное инструментальное средство моделирования.

В качестве объектов наблюдения для апробации методики выбраны наиболее социально активные и ответственные компании телекоммуникационного сектора. На основе анализа тенденций развития телекоммуникационного сектора выявлены драйверы роста и риски, повлиявшие на данный сегмент в ретроспективе. Результаты апробирования модели для организаций телекоммуникационного сектора по данным публичной отчетности [13] представлены в таблице 2 и на рисунке.

Таблица 1

Матрица условных обозначений оценки уровня социальной ответственности (составлено автором)

Уровень сбалансированности	Low level Низкий	Below normal Ниже среднего	Above normal Выше среднего	High Высокий
Диапазон значений оценки, %	0-25	26-50	51-75	76-100
1. Финансово-экономическое позиционирование	1L	1BN	1AN	1H
2. Инфо-коммуникативное позиционирование	2L	2BN	2AN	2H
3. Социальное позиционирование	3L	3BN	3AN	3H
4. Преимущественно финансово-экономическое	4L	4BN	4AN	4H
5. Преимущественно инфо-телекоммуникационное	5L	5BN	5AN	5H
6. Преимущественно социальное	6L	6BN	6AN	6H
7. Инфо-коммуникационно-финансово-экономическое	7L	7BN	7AN	7H
8. Социально-финансово-экономическое	8L	8BN	8AN	8H
9. Социально-инфо-коммуникационное	9L	9BN	9AN	9H
10. Оптимум	10L	10BN	10AN	10H

В данном примере большая часть организаций находится в «преимущественно инфо-коммуникационной» и в «преимущественно финансово-экономической» частях треугольника Гиббса. Тем самым они стремятся сформировать образ социально ответственной организации за счет максимального раскрытия пертинетной информации. При этом

возможен и иной вариант: организации мимикрируют под ответственного работодателя, щедрого на материальное поощрение, но при этом в действительности не предоставляют своим сотрудникам обещанных бонусов, льгот и т.п.

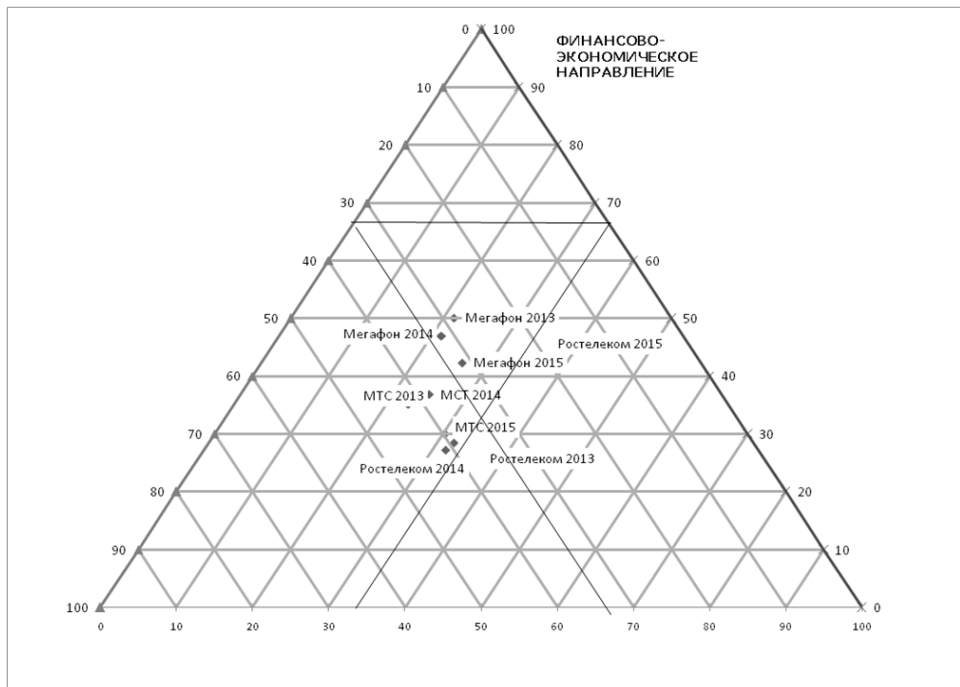
Стоит заметить, что результаты могли быть искажены в связи с отсутствием ряда данных в открытом доступе. Поэтому на данном этапе авторская методика больше применима для внутренних заинтересованных сторон, имеющих доступ к кадровому, бухгалтерскому и управленческому учетам.

Если же, следуя общемировым трендам, организации постепенно будут переходить на подготовку и публикацию нефинансовых отчетов по стандарту GRI G4, то методику, благодаря ее комплексности, наглядности, невысоким трудовым и временным затратам, смогут использовать любые заинтересованные стороны, преследующие различные цели: инвесторы – с целью эффективности вложений средств, потенциальные сотрудники – с целью поиска наиболее комфортных по всем аспектам места работы и иные стейкхолдеры.

Таблица 2

Уровень социальной ответственности перед персоналом в телекоммуникационном секторе в 2013-2015 гг., %

Показатели социальной ответственности	ПАО «Ростелеком»			ПАО «МТС»			ПАО «Мегафон»		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015
Уровень финансово-экономического направления	43	42	42	55	62	50	74	62	59
Уровень социального направления	49	49	58	36	42	50	32	28	37
Уровень инфо-коммуникационного направления	59	63	65	65	65	66	42	42	44
Уровень социальной ответственности	50	52	55	52	56	55	49	44	46
Сектор сбалансир.-сти, балл	5	5	8	7	7	5	4	4	4

Примечание:

- 1 – финансово-экономическое позиционирование;
- 2 – инфо-коммуникационное позиционирование;
- 3 – социальное позиционирование;
- 4 – преимущественно финансово-экономическое;
- 5 – преимущественно инфо-коммуникационное;
- 6 – преимущественно социальное;
- 7 – инфо-коммуникационное-финансово-экономическое;
- 8 – социально-финансово-экономическое;
- 9 – социально-инфо-коммуникационное;

Источник: построено автором

Рис. Модель «треугольник Гиббса»: зонирование социальной ответственности перед персоналом

Таким образом, как показывает практика, генезис и развитие корпоративной социальной ответственности способствовали совершенствованию социально-трудовых отношений и их переходу на новый уровень. Поэтому в современных реалиях возникает необходимость модернизации института оценки социальной ответственности во всех направлениях с учетом ожиданий широкого круга заинтересованных сторон. Переход к экономике знаний и соответственно приоритетность развития отраслей, где добавочная стоимость создается преимущественно за счет человеческих ресурсов, особого внимания требует социальная ответственность перед персоналом, что и обусловило актуальность выполненного исследования.

Литература

1. Creating_People_Advantage 2012: Mastering HR Challenges in a Two-Speed World / PwC & WFPMA/ 59 с. URL: <http://www.wfpma.com> (дата обращения 13.03.2018)
2. The HR (Human Resources) Trend Institute. URL: <https://hrtrendinstitute.com/> (дата обращения 13.03.2018)
3. Management Tools & Trends / Bain&Company. URL: http://www.bain.com/management_tools (дата обращения 13.03.2018)
4. Кравцова Т. В. Оценка уровня социальной ответственности компаний региона на основе системы ее разноуровневых форм // Пространство экономики. 2011. №2-2. С. 183 – 186.
5. Теория и практика корпоративной социальной ответственности / науч. ред. Е.В. Нехода. Томск : Изд. Дом Томск. гос. ун-та, 2015. 340 с.
6. Litvintseva G. P. Institutional particularities of higher education sphere // KORUS-99. The 3rd Russian-Korean international symposium on Science and Technology, abstracts. 1999. С. 117.
7. Литвинцева Г. П., Стукаленко Е. А. Результативность социальных институтов в сфере государственной политики доходов населения России с учетом регионального фактора // Journal of Institutional Studies. 2010. № 2. С. 38 – 54.

8. Никитина Л. М., Борзаков Д. В. Алгоритм выбора инструментов для оценки корпоративной социальной ответственности // *Управленческие науки*. 2014. №3 (12). С. 24 – 28.

9. Адова И. Б., Гудяева Н. А. Стандартизация оценки социально-трудовых отношений в публичных компаниях // *Сибирская финансовая школа*. 2014. № 5. С. 97-107.

10. Гудяева Н. А., Адова И. Б. Социальная ответственность в зеркале бренда работодателя // *Современный менеджмент: проблемы и перспективы*: Сб. статей по мат-лам XI Междунар. научно-практической конф.: в двух частях. Ч. 1. СПб., 2016. С. 42-47.

11. Ассоциация менеджеров: официальный сайт. URL: <http://www.amr.ru/> (дата обращения 13.03.2018)

12. Адова И. Б., Гудяева Н. А. Оценка эффективности социальной ответственности телекоммуникационных компаний России // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2015. № 4 (32). С. 144-159.

13. Библиотека нефинансовых отчетов компаний / РСПП. URL: <http://рспп.рф/simplepage/157> (дата обращения 13.10.2017).

БАЗАРБАЕВА Р.Ш.

Кыргызско-Российский Славянский Университет имени
Первого Президента РФ Ельцина Б.Н., Бишкек,
Кыргызская Республика

ИНСТИТУТ СОБСТВЕННОСТИ И ЕГО РАЗВИТИЕ В РЕГИОНАХ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского фонда, грант №15-00-45.*

Процесс развития института собственности в регионах Кыргызской Республики исследуется на основе теории прав собственности. Сделан вывод о том, что в целом по стране произошли положительные изменения в структуре собственности, однако создание новых организаций, соглашений, институтов в региональном разрезе осуществляется неравномерно. Для новой структуры собственности необходима качественно новая система управления собственностью, где полномочия юридического собственника делегированы на разные уровни, а государство выступает гарантом.

Ключевые слова: регионы; региональная политика, управление собственностью; формальная и неформальная спецификация прав собственности; контрактные соглашения, договоры.

BAZARBAEVAR. Sh.

Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of
Russia B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic

PROPERTY INSTITUTION AND ITS DEVELOPMENT IN THE REGIONS OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Based on the theory of property rights, the process of property institution development in the regions of the Kyrgyz Republic is being researched. It was concluded that there have been positive changes in the ownership structure throughout the country, but the creation of new organizations, agreements, institutions in the regional context is uneven. For a new ownership structure, a

qualitatively new property management system is needed, where the powers of the legal entity are delegated to different levels, and the state acts as a guarantor.

Keywords: regions; regional policy, property management; formal and informal specification of property rights; contractual agreements, contracts.

Изучение современных тенденций развития собственности в Кыргызской Республике (КР) представляется весьма актуальным, поскольку в процессе экономических реформ наиболее радикальному изменению подверглись формы собственности. В результате реформирования собственности были достигнуты определенные цели: устранена монополия государственной собственности; создана институциональная среда как системообразующие правила, включающие абсолютные права собственности и институты, регламентирующие порядок и механизмы передачи госсобственности в другие формы; создана основа для развития фондового рынка.

В настоящее время в стране сложилась национальная система собственности, законодательно оформлены государственная, частная и муниципальная формы собственности. В 2017 г. в целом по стране действовало 662269 ед. хозяйствующих субъектов всех форм собственности, в т.ч. государственной собственности – 7161 ед. (1,08%), муниципальной собственности – 4927 ед. (0,74%), частной собственности – 650121 ед. (98,2%), иных форм собственности – 60 ед. (0,01%)[8,56].

При рассмотрении структуры собственности в региональном разрезе (см. Рис. 1,2)[9] также можно заметить отчетливую тенденцию изменения структуры собственности, где доминирует частная форма собственности. Среди семи областей республики наибольшее количество хозяйствующих субъектов частной формы собственности в Ошской, Джалал-Абадской и Чуйской областях. Если проследить динамику изменения количества хозяйствующих субъектов частной формы собственности по регионам, за период с 2013 по 2017 гг., произошло значительное их увеличение в Ошской области (на

34,5%), меньше в Джалал-Абадской (на 10,3%) и Чуйской (10,3%) и др. областях страны.

Исторически Ошская область, ввиду своего географического расположения, имеет выход на рынки соседних стран, поэтому здесь потенциально заложены благоприятные условия для транзита грузов, создания логистического центра, который вместе с др. центрами в перспективе будут объединены в логистические сети для обеспечения транспортной функции экономических кластеров.

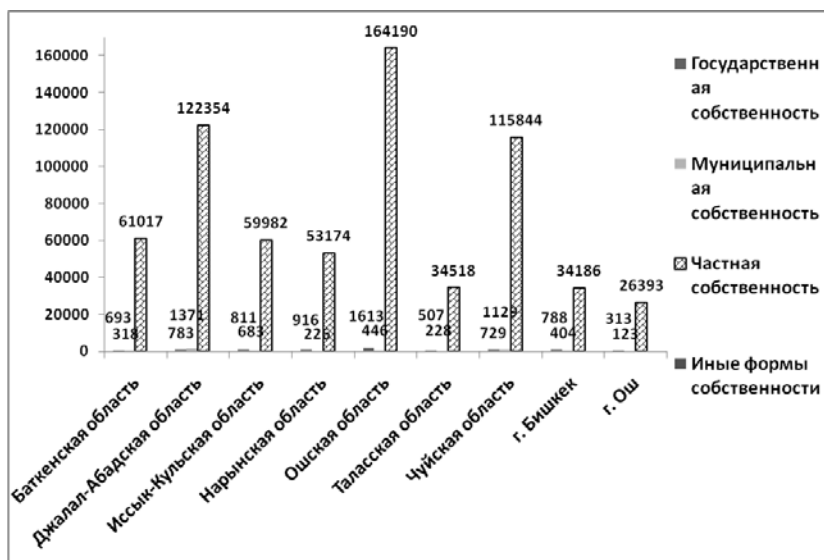

Рис.1. Количество хозяйствующих субъектов по формам собственности по регионам Кыргызской Республики на 2017 г.

Для новой структуры собственности необходима качественно новая система управления собственностью, где права юридического собственника не доминируют, где его полномочия делегированы на разные уровни, а обмен принимает форму цивилизованного рынка, где государство выступает гарантом. О развитии данного института можно судить по спецификации прав собственности.

В настоящее время спецификация прав собственности в регионах КР продолжается, имеет место закрепление частичных правомочий на блага за экономическими субъектами. Движение от состояния размытости прав к состоянию, когда права собственности закреплены за конкретным субъектом, происходит по всей стране, но в меньшей степени в Баткенской, Таласской и Нарынской областях, где уровень экономического развития ниже по сравнению с др. регионами.

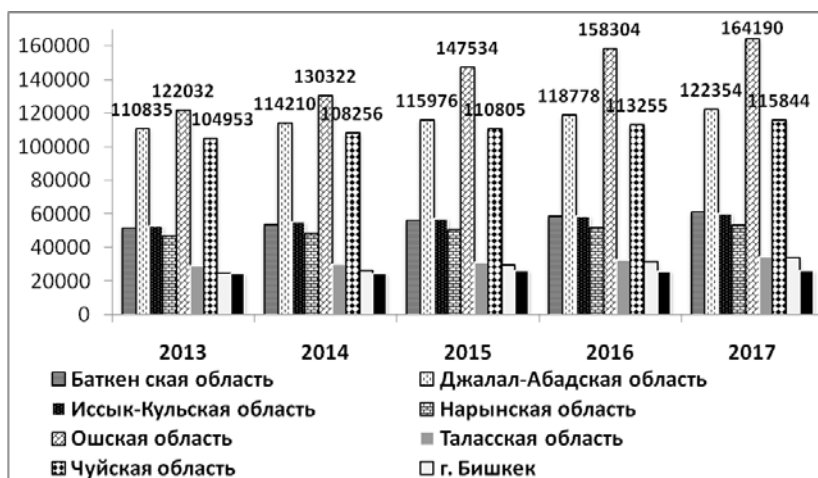

Рис 2. Динамика изменения количества хозяйствующих субъектов частной формы собственности по регионам Кыргызской Республики за 2013- 2017 гг.

Несмотря на удовлетворительные количественные показатели изменений в структуре собственности в Кыргызстане, создание новых организаций, соглашений, институтов в региональном разрезе осуществляется неравномерно. В более развитых регионах (Ошской, Джалал-Абадской и Чуйской областях, в гг. Бишкек и Ош) процесс демократизации собственности и спецификации прав собственности происходит быстрее. В г.Бишкек – финансовом центре регионального масштаба, более развита рыночная

инфраструктура, в т.ч. банковская сфера, сфера консалтинговых услуг и др. Здесь банковским, инвестиционным и финансовым учреждениям передаются права на доход. Аудиторским и консалтинговым компаниям делегируются функции управления и контроля.

Правительством КР в «Концепции региональной политики КР на 2018-2022 гг.» одним из приоритетов определено развитие городов Бишкек и Ош, как главных логистических центров регионального уровня. В связи с этим запланирован ряд мероприятий, в т.ч. создание организаций, необходимых для хранения и сбыта товаров; таможенного оформления, предоставления информационных услуг экспедиторским и транспортным компаниям; технического обслуживания транспортных средств, оказания брокерских и других видов услуг [3]. Это значит, что процесс спецификации прав собственности будет и дальше расширяться.

Следует признать, что в регионах страны существуют проблемы в институциональных преобразованиях, во многом связанные с несовершенством государственного управления. Неэффективные институциональные формы можно проследить на примере развития угледобывающей отрасли. Так, например, в Нарынской и Иссык-Кульской областях имеются такие крупные месторождения угля, как: «Турук», «Кара-Кече», «Мин-Куш» и «Жыргалган», на юге страны (в Баткенской области) - «Таш-Кумыр», «Сулюкта», «Кызыл-Кия», «Кок-

Янгак». В этих регионах после распада СССР и обретения независимости Кыргызстаном за деятельностью недропользователей со стороны государства осуществлялся слабый контроль. В отдельных случаях добыча угля производилась без заключения генерального соглашения, экономического контракта, разработки и утверждения технического проекта на осуществление горных выработок. В связи с этим, сегодня важно развитие процесса спецификации таких прав собственности, как право на сам процесс производства, который отчуждается в виде концессионного договора, а также право пользования, распространяющееся через различные формы кредитования и лизинга.

Несмотря на имеющиеся институциональные инновации в развитии института государственной собственности в регионах КР, еще сохраняются пережитки прошлой системы, доминируют узкогрупповые интересы. Неформальная спецификация прав собственности в Кыргызстане достаточно устойчива из-за нечеткости норм законодательства, слабой эффективности судебного контроля. При таких условиях зачастую права собственности устанавливаются традиционными соглашениями. В результате неэффективного управления собственностью и незавершенности спецификации прав собственности ухудшается состояние активов, происходит недостаточное поступление в государственный бюджет и т.д.

Сегодня стоит задача оптимизации структуры государственной собственности, ее реструктуризации, завершения приватизации стратегических объектов, учитывая финансово-экономическую целесообразность. В связи с этим, важна реализация комплекса мер по улучшению управления государственным имуществом, а именно в ужесточении правил приватизации; в ликвидации неплатежеспособных предприятий, переводе их на коммерческую основу; во внедрении улучшенных методов корпоративного управления. Для этого должна проводиться согласованная политика приватизации, в основе которой - программа участия государственного сектора в разных формах, в т.ч. государственно-частного партнерства.

Для развития института частной собственности со стороны государства предприняты меры по усилению его правового обеспечения и контрактного права. В связи с тем, что права собственности передаются с помощью контрактных соглашений, существует необходимость развития и расширения процесса контрактации в регионах страны.

Контрактные соглашения представляют собой эффективные способы обмена пучками правомочий, в результате которого возможен выигрыш. В настоящее время институт контрактации постепенно входит и становится нормой во взаимодействии хозяйствующих субъектов в экономике КР. Законодательно закреплена передача исключительного права на интеллектуальную собственность на основе договора, отчуждающего исключительное право (уступка права

собственности в полном объеме) и лицензионного договора о передаче прав (передача прав не в полном объеме). В основном (89%) происходит передача прав собственности на товарные знаки и меньше всего (0,33%) – нововведения. По видам договоров преобладает уступка прав (более 85% от всех зарегистрированных договоров) и менее 15% составляют лицензионные договоры [5].

На данном этапе развития собственности имеет место закономерный процесс ее демократизации, что обусловлено усилением самостоятельности регионов. Суть этого процесса состоит не в перераспределении прав собственности от собственников к не собственникам, а в наделении и распределении правомочий в обществе, в результате чего происходит изменение структуры правомочий.

В свете объявленного Президентом Кыргызской Республики 2018 года Годом развития регионов, проблема развития муниципальной собственности становится еще более актуальной. Регионы, являясь субъектом экономических отношений, должны формировать свою самостоятельную региональную политику, реализация которой в значительной степени определяет уровень экономического развития и качество жизни населения. Среди важных приоритетов политики вопросы эффективного управления государственной и муниципальной собственности.

Формальная спецификация, осуществляемая государством и органами местного самоуправления в регионах страны, имеет механизмы, обеспечивающие защиту контрактных прав и прав собственности, но они не всегда действенны. Так называемое размывание прав собственности создает трудности в долгосрочном периоде, так как приводит к снижению степени определенности для экономических субъектов и снижает стимулы к инвестиционной активности в регионах Кыргызской Республики. Наиболее привлекательными для инвесторов остаются г. Бишкек и Чуйская область (доля ПИИ 47,4% и 25,7%), где приоритетными отраслями для привлечения инвестиций являются пищевая и легкая промышленность, торговля, сфера услуг и строительство. К сожалению, пока не используется в полной мере потенциал других регионов из-за

низкой инвестиционной активности, одной из причин которой является слабая защищенность прав собственности. В этой связи следует обратить внимание на необходимость производства новых норм и правил, создания «активных» институтов, способных не только защитить, или обезопасить субъектов присваивающей деятельности, но и мотивировать их на более производительный труд по созданию благ.

В настоящее время заметно развивается муниципальная собственность в регионах, растут доходы, однако все еще существует резерв в повышении данной категории доходов местных бюджетов через оптимизацию использования муниципального имущества и его рыночную оценку. Не во всех регионах собственность эффективно используется для местного экономического развития и недостаточно извлекает дополнительные доходы в местную казну (доходы от аренды и продажи объектов). По сделкам аренды в региональном разрезе в 2017 г. положительная динамика наблюдалась в Иссык-Кульской и Нарынской области, где сумма сделок аренды заметно выросла. Суммы продаж уменьшились везде, кроме Ошской области.

Согласно законодательства КР, айылные кенеші (законодательный орган), используя свои полномочия в управлении муниципальной собственности, могут устанавливать и вносить изменения в «правила игры» через нормативно-правовые акты, а айыл окмоту, как исполнительный орган – принимать активное участие в подготовке всех решений, которые впоследствии утверждаются в местных кенешах. Например, утверждать правила о том, кто имеет право на бесплатное пользование объектами, кто должен получать объекты в платную аренду. Также они могут утверждать процедуры конкурсного предоставления муниципальных объектов, муниципальной земли и земель Фонда перераспределения в аренду и т.д. Практика договорного права в управлении муниципальной собственности, культура договорных отношений пока еще недостаточно совершенны. Решение этих проблем невозможно без грамотного ведения договорных отношений с пользователями муниципальной собственности. Органы местного самоуправления должны

строить договорные отношения, передавая право оперативного управления, заключая договор хозяйственного ведения, договор аренды или договор о пользовании. Иначе говоря, права на объекты, передаваемые муниципальным учреждениям и предприятиям, должны быть четко определены.

Таким образом, в регионах Кыргызской Республики происходят позитивные перемены в развитии института собственности. Для наращивания потенциала регионов необходимо расширять возможности формирования будущего развития, механизмы стимулирования развития путем их специализации, формирования экономически конкурентоспособных кластеров, реализации инвестиционных проектов. Это тем более актуально в связи с вступлением Кыргызстана в Евразийский экономический союз. Правительством Кыргызской Республики определены меры по развитию новых форм кооперации, созданию крупных агропромышленных кластеров, ориентированных на экспорт сельхозпродукции в страны-члены евразийского союза. Для реализации региональной политики необходима качественно новая система управления собственностью, где полномочия юридического собственника делегированы на разные уровни, а государство выступает гарантом.

Литература

1. Аюпов А.Н., Абдурашитов А.А., Бровко Н.А. Региональная экономика, Б: Изд-во КРСУ, 2015. 374 с.

2. Базарбаева, Р.Ш. Институциональные изменения в трансформационных экономиках стран СНГ: противоречия и пути разрешения, Б.: НИИ ИЭ при КЭУ, 2013.- 277 с.

3. Концепция региональной политики Кыргызской Республики на период 2018-2022 гг., Б. 2018 г.

4. Норт, Д. Институты и институциональные изменения и функционирование экономики; пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. - М.: Фонд экон. кн. «Начала», 1997.- 180 с.

5. Передача прав на объекты интеллектуальной собственности в Кыргызстане//Материалы круглого стола,

организованного Государственной службой интеллектуальной собственности и инноваций при Правительстве КР. Б.-2016 г.

6. Статистический бюллетень «Кыргызская Республика и регионы»/<http://stat.kg/ru/publications/statisticheskij-byulleten-kyrgyzskaya-respublika-i-regiony/>

7. Тамбовцев, В. Л. Улучшение защиты прав собственности – неиспользуемый резерв экономического роста России [Текст] / В.Л. Тамбовцев // Вопр. экономики.- 2006.- №1.- С.22-38.

8. Кыргызстан в цифрах. Статистических сборник. Основные социально-экономические показатели развития регионов Кыргызской Республики, с 56/<http://www.stat.kg/media/publicationarchive/469a3c9e-4229-4e67-9d4a-a88947a21e93.pdf>

9. Данные БД ЕГРСЕ по формам собственности за 2013-2017 гг.

БОНДАРЕНКО И.В.
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС,
Новосибирск, Россия

**ИЗМЕНЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ
РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ
РЕФОРМЫ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Статья посвящена вопросам реформы контрольно-надзорной деятельности как одного из приоритетных направлений по формированию благоприятного предпринимательского климата. Проведен анализ реализации реформы в Новосибирской области через достижение целевых показателей и оценки предпринимательским сообществом качества изменившихся институциональных условий ведения бизнеса.

Ключевые слова: реформа контрольно-надзорной деятельности, предпринимательский климат, административная среда, институциональные условия предпринимательства.

BONDARENKO I.V.
Siberian Institute of Management – branch of RANEPА,
Novosibirsk

**CHANGE OF INSTITUTIONAL CONDITIONS FOR THE
ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT IN THE CONTEXT
OF THE CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES
REFORM**

The article is devoted to the issues of reform of control and supervisory activities as one of the priority directions for the formation of a favorable business climate. The analysis of the implementation of the reform in the Novosibirsk region through the achievement of target indicators and assessment of the quality of the changed institutional conditions for business by the business community has been analyzed.

Keywords: reform of control and supervisory activities, business climate, administrative environment, institutional conditions for entrepreneurship.

На современном этапе развития российской экономики, особое внимание со стороны органов власти уделяется вопросам создания качественных условий ведения предпринимательской деятельности, представленных в совокупности установленных правил (формальных и неформальных) и механизмов реализации ограничений, регулирующих поведение предпринимательских структур и их взаимосвязей.

Государство (в лице органов государственной и муниципальной власти) формирует базовую институциональную основу ведения предпринимательской деятельности и взаимодействия предпринимательских структур. Роль органов власти в формировании институциональных условий развития предпринимательства заключается не только в принятии законодательных и нормативных правил ведения предпринимательской деятельности, но и в эффективном и качественном правоприменении закрепленных правил и норм. Это связано, в первую очередь с реализацией контрольно-надзорных функций государственных институтов. Сложившаяся система взаимоотношений предпринимательских структур с органами власти, осуществляющих контрольно-надзорную, регулируемую, разрешительную функции представляет собой административную среду территории [1, с. 239].

Оценка степени благоприятствования предпринимательского климата, как по России в целом, так и в региональном разрезе, проводимая различными международными и российскими исследовательскими группами показывает, что предпринимательство в России испытывает серьезное давление административной среды. Например, согласно докладу Российского союза промышленников и предпринимателей, наиболее острыми проблемами бизнеса в России в 2017 году, наравне с ростом цены и высокой налоговой нагрузкой, были: чрезмерное контрольно-надзорное давление на предпринимательство, высокие административные барьеры и коррупция в органах власти [2, с.12]. Именно это и

предопределило разработку и проведение реформы контрольно-надзорной деятельности (далее - КНД).

Программой реформы предусмотрено выполнение 8 проектов, направленных на упрощение контрольно-надзорных процедур и совершенствование работы соответствующих контролирующих органов, как федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ), так и региональных, и местных:

1. Внедрение риск-ориентированного подхода при КНД.
2. Разработка и внедрение системы оценки эффективности КНД.
3. Внедрение системы профилактики нарушений.
4. Актуализация и сокращение обязательных требований.
5. Повышение эффективности кадровой политики в контрольно-надзорных органах.
6. Профилактика коррупции при осуществлении КНД.
7. Автоматизация КНД.
8. Совершенствование КНД на региональном и местном уровне.

Наибольший интерес из всех проектов реформы представляет проект «Повышение качества реализации контрольно-надзорных полномочий на региональном и муниципальном уровнях»[7], поскольку в условиях существенной дифференциации регионов, обеспечение синхронности реализации программы в субъектах РФ, является довольно трудной задачей.

Основной целью проекта является сокращение издержек предпринимательства при осуществлении в отношении них контроля (надзора), за счет внедрения целевой модели осуществления КНД, предусматривающей разработку соответствующей нормативно-правовой базы и реализацию ключевых механизмов (рис 1).

Целевая модель предполагает четкую регламентацию видов и порядка организации и проведения регионального контроля (надзора), что в конечном счете, должно привести к снижению давления контрольно-надзорных органов на предпринимательство, сокращению числа коррупционных проявлений при проведении проверок, и как следствие,

улучшению институциональных условий ведения предпринимательской деятельности.

Рис. 1. Целевая модель организации контрольно-надзорной деятельности в регионах РФ

Анализ хода проведения реформы КНД в регионах Сибирского федерального округа показал, что Новосибирская область является лидирующей по реализации мероприятий реформы. В частности, к началу 2018 года:

1. Разработана и принята «дорожная карта» «Осуществление контрольно-надзорной деятельности в Новосибирской области».

2. Сформирован Перечень видов регионального государственного контроля (надзора) и органов исполнительной власти Новосибирской области, уполномоченных на их осуществление (23 вида и 17 органов соответственно).

3. Для всех видов контроля разработаны и приняты порядки осуществления (за исключением тех, для которых порядок осуществления установлен Федеральными законами) и административные регламенты.

4. Приняты административные регламенты осуществления 23 видов регионального государственного контроля (надзора).

5. На официальных сайтах соответствующих органов исполнительной власти размещены перечни нормативно-правовых актов, которые являются предметом регионального контроля (надзора).

6. Сформированы предложения по критериям отнесения объектов контроля к категории риска для всех 7 приоритетных видов контроля.

7. Разработана и утверждена методика оценки результативности и эффективности деятельности областных исполнительных органов государственной власти Новосибирской области по осуществлению регионального государственного контроля (надзора).

8. Внедрен информационный ресурс для учета подконтрольных субъектов, обобщения данных по проведенным проверкам и их результатах, организации взаимодействия всех областных исполнительных органов государственной власти Новосибирской области [5, с.3].

Таблица 1

Показатели внедрения целевой модели «Организация контрольно-надзорной деятельности» в Новосибирской области

Показатель	Значение показателя к концу 2017
1. Нормативно-правовое регулирование регионального контроля	
доля видов контроля, для которых приняты положения об осуществлении и регламенты осуществления	100 % (для всех 23 видов контроля)
2. Раскрытие обязательных требований в рамках регионального контроля	
доля видов контроля, информация о требованиях которых размещена на официальных сайтах	100 % (для всех 23 видов)
3. Использование риск-ориентированного подхода	
предложения по определению критериев отнесения объектов контроля к определенной категории риска	Предложения разработаны по 7 приоритетным видам контроля

Окончание таблицы 1

Показатель	Значение показателя к концу 2017
доля видов регионального контроля (надзора), для которых утверждены критерии отнесения подконтрольных объектов к категории риска	30 % (из 7 приоритетных видов контроля, критерии утверждены только для 2)
доля видов регионального контроля (надзора), для которых составлен план проверок на основании риск-ориентированного подхода	70 % (для 5 приоритетных видов контроля)
4. Оценка эффективности региональных контрольно-надзорных органов	
наличие порядка (методики) оценки результативности и эффективности КНД	Методика утверждена (постановление Правительства Новосибирской области от 28.09.2017 № 370-п)
5. Учет подконтрольных объектов и истории их проверок	
доля видов регионального контроля (надзора), по которым аккумулируются данные: о подконтрольных объектах; о распределении объектов по категориям риска; о результатах проверок	100 % для 5 видов контроля – в системе ТОР КНД для 2 видов контроля – в системе «Инспектирование жилищного фонда Новосибирской области»

Источник: составлено автором на основе материалов проектного офиса по реализации реформы КНД в Новосибирской области [4]

Однако, несмотря на очевидные успехи в реализации реформы КНД с точки зрения проектного управления, ключевым остается вопрос о ее влиянии на улучшение качества административной среды для предпринимательства. Анализ результатов опроса предпринимателей говорит о противоречивой ситуации в изменении институциональных условий развития предпринимательства в рамках проводимой реформы. С одной стороны, с 2014 года почти половина

опрошенных РСПП компаний (45%) считала, что общий предпринимательский климат в стране ухудшается, но в 2017 году ситуация несколько выровнялась, и доля негативных ответов «состояние деловой среды ухудшилось» сократилась до 36,6% при одновременном росте доли варианта «не изменилось» [2, с. 8]. С другой стороны, в 2017 году увеличилось число предпринимателей, считающих чрезмерное давление контрольно-надзорных органов наиболее острой проблемой развития бизнеса (с 28,5 % в 2016 году до 37% в 2017 году [2, с. 12]).

О положительных результатах реформы КНД в Новосибирской области также говорят результаты опросов предпринимателей региона: за три года количество предпринимателей считающих, что административная нагрузка на их бизнес увеличилась, сократилось с 52,5% в 2015 году до 39,5% в 2017 [3, с.127].

Об успехах реформы говорит и тенденция к снижению доли обращений в аппарат Уполномоченного по защите прав предпринимателей, связанных с нарушением прав предпринимателей при проведении проверок (20,6% в 2015 г, 20,3% в 2016 г, 19,5 % в 2017 г.). С другой стороны, на жалобы на неправомерные действия контролирующих органов все еще приходится наибольшая доля всех обращений в аппарат уполномоченного.

Большинство разработанных мероприятий реформы направлены на совершенствование контрольно-надзорной деятельности федеральных органов исполнителей власти, что сказалось на институциональных условиях развития предпринимательства: по завершению первого этапа реформы доля тех, кто считает, что максимальные административные барьеры создают федеральные органы, сократилась более чем в 1,5 раза (до 27,5 в 2017 году) [3, с.128].

Четкая регламентация видов и порядок организации и проведения государственного контроля (надзора) привела к сокращению количества проверок предпринимателей (доля респондентов, в отношении которых было проведено более 4 проверок сократилась до 12%). Кроме того, изменилась и практика применяемых административных наказаний – стали

реже применяться административные штрафы (в 52,4 % случаев в 2017 году против 75,9% в 2016 году), чаще контрольно-надзорные органы стали применять предупреждение как вид административного наказания [3, с.132].

В то же время, бизнес не очень оптимистично относится к изменению отношений контрольно-надзорных органов: абсолютное большинство предпринимателей (79,5%) считает, что отношение контрольно-надзорных органов к ним не изменилось. Только 10% респондентов, опрошенных в 2017 году, считали, что отношение контролирующих органов улучшилось [3, с.133].

Таким образом, можно отметить, что реализация мероприятий реформы КНД приводит к улучшению институциональных условий развития предпринимательства в России, особенно в рамках взаимодействия в федеральными контролирующими органами, в то время как реализация реформы на региональном уровне требует дальнейшей разработки и тиражирования наиболее успешных практик. Стоит также отметить, что в ходе проведения рассмотренной реформы еще никак не регламентировались вопросы муниципального контроля, который тоже оказывает существенное влияние на развитие бизнеса, особенно на малое и индивидуальное предпринимательство. Следовательно, вторым этапом реформы КНД в России должно стать совершенствование деятельности муниципальных органов власти, реализующих контролирующие и надзорные функции.

Литература:

1. Бондаренко И.В. Дефинициальная характеристика и классификация факторов предпринимательского климата // Государственное и муниципальное управления. Ученые записки СКАГС. - 2017. - №4. – с. 235-240.

2. Доклад РСПП «О состоянии делового климата в России в 2014-2017 гг.» [Электронный ресурс]. – режим доступа:<http://media.rspp.ru/document/1/3/f/3fc208637ff915cb1a2d62e0e87f8438.pdf>

3. Доклад Уполномоченного Президента РФ по защите прав предпринимателей по Новосибирской области-2017

[Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://ombudsmanbiz.nso.ru/page/117>

4. Информация о реализации приоритетного направления «Реформа контрольной и надзорной деятельности» в Новосибирской области по состоянию на 20.01.2018 [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://ombudsmanbiz.nso.ru/page/442>

5. Колесников Ю.А. Административная реформа контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2015.–№3.– с.37-42.

6. Ноздрачев А.Ф., Зырянов С.М., Калмыкова А.В. Реформа государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Журнал российского права. – 2017.–№3(249).– 34-46.

7. Паспорт приоритетного проекта «Повышение качества реализации контрольно-надзорных полномочий на региональном и муниципальном уровнях», утв. протоколом заседания проектного комитета от 27.01.2017 №5 [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://контроль-надзор.рф/upload/iblock/cc2/cc23eb90155db153d06e56830629019c.pdf>

ВАЛИЕВА О.В.

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
Новосибирск, Россия

ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫЕ ИНСТИТУТЫ И РУТИНЫ: ВЛАСТЬ СТРУКТУРЫ ИЛИ СТРУКТУРА ВЛАСТИ

В исследовании представлены результаты опросов компаний Сибирского федерального округа за 2012-2016гг. Исследование связано с изучением трансформационных процессов внутрикорпоративных управленческих практик в российских компаниях и анализ их последующей институционализации и рутинизации. Результаты показали, что на протяжении целого ряда лет значимыми для компаний остаются управление информационными потоками, принятие нестандартных управленческих решений, практики распределения формальной власти. Опросы показали, что для компаний выросла значимость влияние налогов и коррупции, а также сформировались устойчивые формы «сословных рутин».

Ключевые слова: институциональная среда, организационные рутины, концентрация власти, информационные потоки, неформальные практики, коррупция, внутрикорпоративные сословные рутины

VALIEVA O.V.

Institute of Economics and Industrial Engineering of the SB RAS,
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

INTRACORPORATE INSTITUTIONS AND RUTINS: POWER OF STRUCTURE OR STRUCTURE OF POWER

The study presents the results of surveys of companies of the Siberian Federal District for 2012-2016. The study is related to the study of the transformation processes of internal corporate

management practices in Russian companies and an analysis of their subsequent institutionalization and routineization. The results showed that for a number of years, the management of information flows, the adoption of non-standard management decisions, and the distribution of formal power remain important for companies. Surveys have shown that for companies the importance of the influence of taxes and corruption has increased, as well as stable forms of "estate routines" have been formed.

Keywords: institutional environmental, organizational routines, concentration of power, information flows, informal practices, corruption, intra-corporate "estate routines"

Подходы исследователей рассматривают организации как зависимые от внешней среды, когда формальные и неформальные нормы, инкорпорированные из институциональной среды, встраиваются в свод собственных корпоративных правил [3,4]. У.Баумоль, сравнивая различные исторические периоды утверждал, что контекст институциональной среды и изменение «правил игры» может «диктовать конечный экономический эффект через распределение предпринимательских ресурсов» [2, с.894], разделив предпринимателей на продуктивных и непродуктивных автор показал значимость условий ведения предпринимательской деятельности для бизнеса. Мерфи, Шляйфер и Вишны, рассматривая привлекательность различных сфер экономики, пришли к выводу, что талантливые предприниматели уходят туда, где выше отдача от рентоориентированного поведения [5,с.25]. Нельсон и Уинтер отмечали, что вновь возникшие институциональные элементы, легко передаются компаниям-новичкам и сохраняются в течение длительного периода времени, обладая высокой устойчивостью к изменениям [6].В целом, этими же авторами было введено понятие рутины, «рутинизация отражает достижения координации и формирование памяти организации, поддерживающей эту координацию» и рутинное функционирование является самоподдерживающимся [1, с.151,157].

Российские исследования также показывают значимость институциональной среды для осуществления бизнеса. Опрос более 10 тысяч российских предпринимателей в 2017г. выявил связь инвестиционного климата и стремления бизнесменов к установлению личных связей с чиновниками. Результаты показали, чем благоприятней климат в регионе, тем меньше значимость персонифицированных отношений предпринимателей и чиновников¹.

Методология исследования

В нашем исследовании мы опирались на опросы руководителей среднего и высшего управленческого звена, а также в ряде случаев, собственников 178 компаний Сибирского федерального округа за период 2012 по 2016 гг. Опрос проводился методом полуструктурированного интервью, в которых ответы располагались по пяти балльной шкале. В целях изучения сложившихся практик все вопросы были разбиты на пять блоков: информационные потоки и их обработка, структура власти в компаниях, типы организационных структур и иерархий, принципы принятия управленческих решений, влияние налогов и коррупции.

Отраслевая специфика опрошенных компаний выглядит следующим образом. В опросе преобладали компании, занятые в сфере розничной и оптовой торговли (34), осуществляющие деятельность, связанную с использованием вычислительной техники и информационных технологий (19), работающие на транспорте и предприятиях связи (15), а также на производстве пищевых продуктах (15).

Кластерный анализ результатов опросов методом *k*-средних выделил два устойчивых кластера: кластер компаний малого бизнеса (86 компаний) и кластер компаний крупного и среднего

---

¹Андрей Яковлев, Денис Иванов. Личные связи: насколько важен инвесторам административный ресурс [Электронный ресурс] // РБК. 05.04.2018 // Режим доступа (07.04.18): <https://www.rbc.ru/opinions/business/05/04/2018/5ac479d29a79470627412>
167

бизнеса (92 компании) с целым рядом характерных особенностей.

Концентрация власти

Система концентрации власти в руках владельца/основателя, отмечена достаточно высокими баллами и практически не связана с размерами предприятий (3,95 в малых и 3,51 в средних и крупных компаниях). Реалии таковы, что отсутствие определенности на потребительских и финансовых рынках заставляют владельцев возвращаться к системам управления компаниями. Однако в среднесрочной перспективе наш бизнес ждёт все прелести «ловушки основателя» (founder's trap), в которой главной проблемой является отсутствие системы делегирования полномочий и, как следствие, высокая концентрация принятия зачастую неэффективных решений на верхнем уровне корпоративной иерархии. И, если для небольших компаний власть основателя является чем-то непреложным и необходимым, то для средних и крупных отсутствие деперсонализации в управлении чревато замораживанием в развитии из-за отсутствия регламентирующих процедур в управлении, роста конфликтных ситуаций и ухода ключевых сотрудников. Слабые системы контроля, отмеченные представителями малого бизнеса (3,91), связаны, по их мнению, с централизацией и концентрацией власти в руках собственника. При таком подходе всегда есть риск «распыления» управленческих решений, снижения внимания к ключевым проблемам предприятия, сосредоточения усилий не на предпринимательской компоненте, а на политическом, бюрократическом и институциональном администрировании. Такая практика хотя и расширяет возможности бизнеса, однако не всегда приводит к позитивным изменениям в долгосрочном периоде.

Система обработки информационных потоков, влияние коррупции и налогов

Принципиальные отличия и влияние размеров компаний проявляется в системе обработки информационных потоков (ИП). Приоритеты для малого бизнеса составляют все-таки устные формы передачи информации и простые коммуникации. С ростом размера компании, значимость форм обработки

информации, скорость ее передачи внутри самой компании и ускорение связей с внешней средой приобретают значимое влияние. Однако и здесь не все так гладко. Сейчас для средних и крупных компаний наиболее значимыми являются построение внутренних коммуникаций в ущерб внешним (3,79 против 3,45). Это значит, что в российских компаниях до сих пор не решен вопрос технологического обеспечения средствами автоматизации систем корпоративного управления, в результате низкой автоматизации систем учета и контроля, переход на качественно новый уровень принятия управленческих решений сильно затруднен.

Институциональные факторы, такие как влияние на деятельность компаний налоговой политики и коррупции (2,45 и 2,41), показали практически одинаковую значимость для обеих групп с той лишь разницей, что размеры налоговых отчислений влияют напрямую сильнее, чем коррупционные практики (2,92 и 3,18 для крупных и средних). Однако, как показал дальнейший анализ, значимость этих факторов находится для компаний отнюдь не на последнем месте.

Типы организационных рутин

Для более полного анализа типов организационных рутин и выявления приоритетных областей в сложившихся корпоративных практиках управления нами был проведен факторный анализ методом главных компонент (Principal Component Analysis) с использованием метода вращения Varimax. Анализ выявил шесть групп независимых переменных, процент объясненной дисперсии составил 60,648%. В силу их устойчивости на протяжении целого ряда лет и проявлениями практически в одних и тех же «ипостасях», мы эти группы назвали рутинами.

Остаточная матрица корреляций показала, что в первую группу рутин (факторов) вошли переменные, связанные с информационными потоками – «информационные рутины» (24,31% объясняющей дисперсии), характерные для средних и крупных компаний, позволяющие эффективно выстраивать внутрикорпоративные коммуникации и внешние связи. Вторую группу рутин мы обозначили как «организационные» (10, 37%), поскольку в явном виде в этом факторе объединены

прогрессивные типы принятия управленческих решений. В третью группу факторов, обуславливающих сложившиеся корпоративные практики, вошли переменные, показывающие типы доминирования властных отношений в управлении собственностью – «распределение власти» (8,83%). Факторные нагрузки переменных показали приоритет «коллективной» власти над единоличной. Четвертая группа факторов – «институциональные рутины» (6,13%) обозначила важность институциональных переменных – налогов и коррупции, значимость этого фактора за последние два года усилилась. Увеличение числа опрошенных компаний и, видимо, ухудшение общеэкономической ситуации добавило несколько иные нотки в конструкцию организационных рутин. Так, по данным предыдущих опросов, фактор влияния коррупции и налогов был на пятом месте, но включение в анализ опросов, проведенных в 2015-2016 гг. показал растущую значимость этой институциональной компоненты и перемещение ее на одну позицию ближе.

Пятый фактор мы назвали «генетическими рутинами» потому, что переменные ярко показали советскую модель управления, построенную на высокой централизации управленческих решений, при отсутствии или слабо выстроенной системе контроля над внутренними процессами, подтверждением этой гипотезы выступает функциональный тип организационной структуры, для которой характерна выраженная вертикальная иерархия.

Шестой фактор сложившихся внутрикорпоративных практик нами был обозначен как «сословные рутины» (5,39%), в этой группе факторов оказалась всего одна переменная, связанная с принятием всех управленческих решений отдельной узкой группой менеджеров, имеющих консервативные взгляды на корпоративную систему управления. Как показано было ранее, данная переменная практически одинакова значима как для малого, так и для крупного бизнеса. Мы думаем, что бизнес-структуры недалеко ушли от принципов социальной стратификации, принятой в обществе и им также свойственно заимствовать нормы из всего богатства социальных отношений и встраивать их в корпоративные практики управления.

Монополизировав право принятия решений, определенная сословная группа менеджеров действует исходя из своих узкогрупповых целей, что не всегда соответствует целям эффективности финансово-хозяйственной компаний.

Литература

1. Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономического изменений / Пер. с англ. – М.: Дело, 2002.

2. Baumol W.J. Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive // Journal of Political Economy, Vol. 98, No. 5, Part 1 (Oct., 1990), pp. 893-921.

3. Meyer J.W., Rowan B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83 (2). P. 340-363.

4. Meyer J.W. Reflections on Institutional Theories of Organizations // The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism. – SAGE Publications Ltd., 2008.

5. Murphy K. M., Shleifer A., Vishny R. W. The Allocation of Talent: Implications for Growth // The Quarterly Journal of Economics, 1991, 106 (2) (May): 503.

6. Nelson R. R., Winter S.G. An Evolutionary Theory of Economic Change. – Cambridge University Press, 1990.

**КАПОГУЗОВ Е.А.,
КОВЕЧЕНКОВА А.А.**

ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М.
Достоевского», Омск, Россия

**ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В РЕГИОНЕ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ, ТРАДИЦИИ И
ИННОВАЦИИ**

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ и правительства
Омской области, проект 18-410-550020*

*«Развитие методологии оценки эффективности и
совершенствование практик участия граждан в сфере
инициативного бюджетирования в регионе»*

В статье рассматривается развитие практик инициативного бюджетирования в России на региональном уровне. Показаны ключевые институциональные барьеры для самоорганизации. Применительно к практикам развития в г. Омске отмечается нахождение процессов в сфере открытости бюджетных данных и инициативного бюджетирования скорее на стадии «информирования», тогда как для успешности функционирования системы необходим переход к стадии вовлечения и сопроизводства.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, продуктивное бюджетирование, стратегическое планирование, открытые бюджеты, институциональные барьеры.

**КАРОГУЗОВ Е.А.
КОВЕЧЕНКОВА А.А.**

Omsk F.M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia

**INITIATIVE BUDGETING IN THE REGION:
INSTITUTIONAL BARRIERS, TRADITIONS AND
INNOVATIONS**

The article considers the development of practices of initiative budgeting in Russia at the regional level. The key institutional barriers for self-organization are shown. With regard to development practices in the region, it is noted that processes in the sphere of

openness of budget data and initiative budgeting are more likely at the stage of "informing", whereas for the success of the system, a transition to the stage of involvement and co-production is necessary.

Keywords: initiative budgeting, product budgeting, strategic planning, open budgets, institutional barriers.

По мере расширения присутствия государства в экономике, развития его функций все в большей степени создаются условия для соучастия граждан в процессе принятия бюджетных решений. В некоторых странах, таких как Швейцария, этим традициям уже не одно столетие, поскольку практика принятия бюджетных решений в условия «прямой демократии» в этой альпийской стране прямо предусмотрена в Конституции [1]. При этом, несмотря на высокие транзакционные издержки принятия бюджетных решений, в частности, связанные как с организацией референдумов, так и с необходимостью информирования граждан-налогоплательщиков о выгодах и издержках предлагаемых вариантов, швейцарская демократия придерживается данного принципа уже много лет. Во многом это объясняется важностью обеспечения «принципа связанности», согласно которому готовность налогоплательщиков финансировать бюджетные расходы в значительной степени определяется уровнем прозрачности и подотчетности бюджетных расходов и возможностью, в том числе, вовлечения граждан в процесс принятия бюджетных решений. Это отражается и на желании уклоняться от уплаты налогов: так уровень в Швейцарии является минимальным среди стран ОЭСР [2. р. 34].

Логика, что налоговая мораль и культура являются в значительной степени производными, с одной стороны, от способности государства использовать эффективно общественные ресурсы, и с другой, от возможности участия граждан в бюджетном процессе наблюдалась еще классиком экономической науки А.Смитом: «Согласно общему мнению, налог этот уплачивается с большой добросовестностью. В небольшой республике (*Голландия, Ганзейские города – наше примечание*), где население относится с полным доверием к своим чиновникам, где оно убеждено в необходимости налога

для существования государства и уверено, что он будет добросовестно употреблен на эту цель, можно иногда ожидать такой добросовестной и добровольной уплаты» [3, с. 443].

Вместе с тем, развитие практик более активного взаимодействия между гражданами и государством получило активное развитие в рамках теории общественного выбора, и, ранее, в работах ее предшественника К. Викселя и итальянских представителей теории общественных финансов (Маццола, Пантелеони и др.) [4]. В рамках теории общественного выбора были развиты идеи социального контракта, на которой во многом базируются модернизационные мероприятия в сфере общественных финансов в частности и государственного управления в целом [5].

На базе как теории общественного выбора, так и целого ряда других подходов в степени была сформирована концепция «Инициативного бюджетирования» (ИБ), в ходе которой существенно меняются роли субъектов, в первую очередь граждан. Можно говорить об определенной эволюции роли «конечного принципала»: от роли «законопослушный налогоплательщик», для которого важна налоговая культура и менталитет к роли «информированный получатель бюджетных услуг» (который располагает информацией из открытых бюджетных данных и знает, что он получает и может получить из бюджета. Последнее создает возможности для осуществления социального контроля [6] и условия для перехода к третьей роли – «активный гражданин», который уже знаком с инструментами участия и влияния на бюджетный процесс и непосредственно вовлекается в той или иной форме в процесс принятия и исполнения бюджетных решений.

Инициативное бюджетирование — это совокупность разнообразных, основанных на гражданской инициативе практик по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в определении и выборе объектов расходования бюджетных средств, а также в последующем контроле над реализацией отобранных проектов [7, с.117].

Рассмотрим ситуацию развития инициативного бюджетирования в г. Омске и Омской области. Стоит отметить,

что в последние годы были достигнуты определенные результаты в части открытости бюджетов на уровне регионального министерства финансов. Однако, несмотря на достигнутые успехи, существующий уровень развития вовлеченности (партиципации) граждан в бюджетный процесс имеет характер нахождения скорее на стадии «Информирования» начального уровня, тогда как далее в соответствии с мировой практикой должна следовать стадия «взаимодействия» и в последующем «вовлеченности» (партиципации). Это наглядно показывает раздел «расходы бюджета», где представлены данные по расходам и ведомствам, но не по продуктам, и тем более не по ключевым показателям, что не позволяет обеспечить возможность доступности бюджетных данных для широких слоев налогоплательщиков.

В муниципальном образовании г. Омск существует уже многолетняя практика функционирования КТОСов, которые начали активно проявлять себя еще в 1990-е годы как элемент гражданской самоорганизации. Вместе с тем, по мере укрепления «вертикали власти», утечки из региона человеческого капитала, а также финансовых ресурсов в системе местного самоуправления все более сократились возможности по проявлению гражданских инициатив, их поддержки на уровне крупнейшего образования региона – областного центра. В существенной степени это касается финансовых ограничений. Это касается в частности поддержки социальных проектов и инициатив в сфере НКО. Так в 2018 году объем грантовой поддержки НКО со стороны администрации г. Омска (25 млн. руб.) лишь ненамного превысил сумму, выделяемую на один (!) проект фонда Президентских грантов (около 20 млн. руб.) по организации выставки «Сто раритетов российской истории» [8].

На данный момент в городе Омске непосредственно не реализуются программы инициативного бюджетирования. Однако существует ряд механизмов вовлечение граждан в бюджетный процесс, в том числе путем соучастия в делах города и развитие местного самоуправления, которые имеют как долгие традиции и сформированные рутины (публичные слушания, деятельность комитетов ТОС), так и являются

относительно новыми для городских практик (грантовая поддержка проектов, программа «Формирование городской среды»). Выбор данных практик, как средства обеспечения участия населения в бюджетном процессе на территории Омска, обусловлен социально-экономическими характеристиками города.

Исследование практик, смежных инициативному бюджетированию, способствует выявлению наличия или отсутствия предпосылок для внедрения ИБ в бюджетный процесс города Омска. Во-первых, подобное исследование практик предоставит возможность определить степень вовлеченности населения в местное самоуправление на данном этапе развития бюджетной системы, а также обнаружить перспективные направления для создания качественного диалога между гражданским обществом и властью. Во-вторых, анализ практик позволит выявить основные барьеры, сдерживающие активное участие в уже существующих практиках, чтобы в дальнейшем учесть наличие подобных барьеров при возможном построении новых программ вовлечения граждан в бюджетный процесс в институциональной среде города.

Для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования представительным органом муниципального образования, главой муниципального образования могут проводиться публичные слушания [9].

Основным принципом организации и проведения публичных слушаний является учет мнения населения города Омска. Стоит отметить, что результаты публичных слушаний носят рекомендательный характер.

В городе Омске публичные слушания по бюджету на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов прошли 10 ноября 2017 года. Аудитория публичных слушаний состояла из городских и областных депутатов, общественников, журналистов, специалистов мэрии [11].

Главным вопросом для обсуждения стал проект бюджета на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов, согласно которому доходы бюджета города Омска на 2018 год

прогнозируются в объеме 14 млрд. рублей (в том числе: налоговые доходы -5,8 млрд. рублей или 41,4 %, неналоговые доходы — 2 млрд. руб. или 14,8 %; безвозмездные поступления — 6 млрд. руб. или 43,8 %). Расходы прогнозируются 14,8 млрд. рублей. Во время публичных слушаний поднимались следующие дискуссионные темы: возможные источники повышения доходов (штрафы, выписываемые нарушителям ПДД; улучшение менеджмента муниципальных предприятий, с целью увеличения прибыли) финансирование КТОСов и траты на «общественность», строительство жилья, миграционная убыль населения, занятость и экономическая ситуация в целом [10].

Барьеры, мешающие активному участию населения в публичных слушаниях:

- Неудобное время проведения публичных слушаний для населения (рабочее время). Единственный напрашивающийся в этой связи вариант: перенесение публичных слушаний на выходные дни, а организация интернет-трансляций).

- Низкий уровень предоставления информации о проведении публичных слушаний. Возможные рекомендации: создание единого интернет-портала, содержащего полную и релевантную информацию о датах проведения публичных слушаний, обсуждаемых темах и процедуре подачи заявления.

В целом, публичные слушания является довольно традиционным механизмом, целью которого является обеспечение участия населения в местном самоуправлении. Вместе с тем, они не обеспечивают высокий уровень вовлеченности, что связано с недостатками, заложенными в самом механизме публичных слушаний:

- На публичные слушания выносятся решения, четко проработанные в органах исполнительной власти. Любые серьезные корректировки вынесенных на обсуждение документов могут потребовать сопоставимой по глубине обоснованности и проработанности деятельности. Асимметрия профессионального уровня специалистов-разработчиков документов и участников публичных обсуждений, как правило, велика. В результате, критика и предложения на таких

обсуждениях может оказаться поверхностной, а корректировки документов – незначительными.

- Предметом публичных слушаний становятся параметры бюджетов, а не набор мероприятий и проектов, реализуемых за счет бюджетных ассигнований. Целевые индикаторы этих мероприятий и проектов, их ожидаемые результаты, сам выбор их состава, сроки и способ реализации проектов остаются вне поля обсуждения.

- Соединение усилий государства в социальной сфере и общественных инициатив в реальности не происходит. За кадром публичных слушаний остаются многочисленные общественные инициативы.

Устранение недостатков путем изменения регламентации самой процедуры не приведет к желаемому результату повышения активности граждан в бюджетном процессе города, так как сам механизм публичных слушаний является трудно осознаваемым для гражданина со среднестатистическим уровнем бюджетной и финансовой грамотности.

Территориальное общественное самоуправление (ТОС)-самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, городского округа, внутригородского района для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения.

Территориальное общественное самоуправление в Омске стало формироваться в начале 90-х годов XX века, и г. Омск в 1990-е годы был одним из лидеров в России по организации данного процесса [143]. Динамика развития территориального общественного самоуправления представлена в таблице 1.

Современная система территориального общественного самоуправления города Омска включает в себя [11]:

- Фонды развития (объединения и развития) ТОС административных округов города (всего 5);
- органы территориального общественного самоуправления:

- комитеты территориального общественного самоуправления – 77,
- ревизионные комиссии территориального общественного самоуправления – 77.

Таблица 1

Динамика развития ТОС в городе Омске в период с 1994 по 2018 г.

Год	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2002	2003	2005 – 2017	2017 – 2018
Число КТОС	2	5	12	52	64	68	69	71	73	76	77

Источник: [11]

Актив территориального общественного самоуправления состоит из [11]:

- 154 председателей КТОС и ревизионных комиссий,
- 1039 членов КТОС,
- 1122 председателей и членов квартальных комитетов,
- 2779 старших по домам,
- около 8100 старших по подъездам.

Всего на территории города в осуществлении общественного самоуправления участвуют около 32150 омичей (около 4,7% трудоспособного населения)[11].

С 2006 реализуются целевые программы поддержки ТОС в городе Омске. Постановлением Администрации города Омска от 28 сентября 2012 года № 1283-П утверждена долгосрочная целевая программа города Омска «Развитие территориального общественного самоуправления в городе Омске» на 2013-2017, одобренная депутатами Омского городского Совета. С 2014 года работает муниципальная программа «Социальная поддержка граждан и развитие общественных отношений», утвержденная постановлением Администрации города Омска от 14 октября 2013 года № 1168-п.

ТОС - фактически уже традиционная практика самоорганизации граждан для участия в вопросах местного значения. Одной из главных проблем, обозначенных в Стратегии, является низкая активность населения к участию в общественной жизни (в том числе молодежи), а также недостаточная информированность о деятельности КТОС. В настоящий момент разработаны следующие пути преодоления данных проблем:

- создание единого интернет- портала: <http://ktosomsk.ru>, на котором содержится просветительная информация о деятельности КТОС, и кроме того, имеется возможность задать вопрос директору департамента общественных отношений и социальной политики Администрации города Омска;
- продвижение ТОС в социальных сетях;
- тиражирование буклетов и других справочных информационных материалов, как правило, ориентированные на конкретную целевую группу.

Также полезной практикой для развития участия населения является опубликование наиболее успешных опытов участия граждан в вопросах местного значения.

В Омске сложился многолетний опыт реализации социально-значимых проектов, направленных на улучшение городской среды. Конкурс муниципальных грантов выступает механизмом, способствующим развитию гражданской инициативы. Конкурс учрежден Администрацией города Омска по инициативе общественности с 2006 года. С тех пор за 12 лет на конкурс было представлено почти 3000 проектов, из них реализовано - 1300. В общем, на поддержку проектов было направлено 219 млн. рублей [11]. Количественные параметры по данной тематике представлены в таблице 2.

Спецификой данной формы общественного участия является то, что заявителем может выступать только юридическое лицо – некоммерческая организация. Взаимодействие Администрации города Омска с социально ориентированными некоммерческими организациями носит системный характер и затрагивает различные сферы деятельности, в том числе образование, науку,

культуру, искусство, экономическую и социальную политику, здравоохранение, физическую культуру и спорт.

Таблица 2

Количество проектов, представленных на конкурс, за 2015- 2017 год

2015 год 25 млн.руб		2016 год 25 млн.руб		2017 год 25 млн. руб	
Участники	Победители	Участники	Победители	Участники	Победители
339 проектов*	160 органи заций	328 проектов	162 органи заций	288 проектов	122 органи зации

* допущено к конкурсу 332

Источник: [11]

Согласно Постановлению Администрации №744-п от 29 мая 2012 «Об утверждении концепции развития взаимодействия Администрации города Омска с социально ориентированными некоммерческими организациями в городе Омске» целью взаимодействия Администрации города Омска и социально-ориентированных некоммерческих организаций является решение социальных проблем и развитие гражданского общества [12].

В целом такая практика как «Конкурс социально-полезных проектов» не является способом прямого волеизъявления граждан в реализации инициатив в бюджетной сфере. Необходимость реализации проекта исключительно через юридическое лицо, жесткие барьеры, предъявляемые к участникам конкурса, приводят к тому, что множество гражданских инициатив остается не реализованными. Однако наличие высоких требований к описанию проекта, а также к исполнительным лицам, обеспечивает гарантию исполнения проекта в будущем, поэтому данный аспект нельзя категорически относить к явным недостаткам механизма.

В 2017 году впервые в России стартовал проект «Городская среда», целью которого является усовершенствование инфраструктуры городов. Проект включает мероприятия по благоустройству дворов, создание и благоустройству общественных пространств. В 2017 года в России было благоустроено более 2700 парков и других общественных зон [11]. Уже существуют первые итоги развития в ряде малых и крупных городов, позволяющих решить проблемы развития городского хозяйства и создания общественных пространств [15]. На современном этапе реализации стратегических целей развития вопрос о развитии городских общественных пространств стал предметом последнего «майского указа» [15]. Стоит ожидать дальнейшего развития и активизации финансирования в данном направлении, поскольку п.6 а) Указа № 204 предусмотрено «создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды, увеличение доли граждан в решении вопросов развития городской среды, до 30 %».

Проекты по развитию могут стать полезным прецедентом участия жителей в решении проблем коммунального обустройства, развития городской среды, что в дальнейшем может вылиться в плодотворную дискуссию государства и населения о способах решения накопившихся проблем инфраструктуры городов, безопасности, досуга молодежи и т.д.

В городе Омске проект стартовал также 2017 году. Наиболее интересным предметом для исследования с точки зрения привлечения населения к активному участию в бюджетном процессе муниципалитета является подпрограмма «Формирование комфортной городской среды», в части благоустройства общественных пространств. Программа представляет собой уникальный пример по внедрению практик выдвижения гражданских инициатив в определении и выборе проектов, финансируемых за счет расходов бюджета, и последующем контроле над реализацией избранных проектов.

Проголосовать за понравившийся проект имели право жители, достигшие 14-летнего возраста. Места голосования за дизайн-проекты согласно программе «Комфортная городская

среда» совпали с избирательными участками выборов Президента РФ 18 марта 2018 г.

Окончательные результаты отбора проектов будут приведены позднее

Таким образом, подпрограмма «Формирование комфортной городской среды» представляет собой первый проект, реализуемый в городе Омске, методология которого наиболее схожа с основами партисипаторного бюджетирования. Подпрограмма является главным инструментом вовлечения омичей в обсуждение проектов благоустройства общественных территорий. Практическое применение соучаствующего проектирования только начинает складываться на данной территории, поэтому требуется профессиональный анализ реализации программы, который должен быть обеспечен необходимой командой, регулирующей процесс.

Подводя итоги, стоит отметить что анализ традиционных и новых практик взаимодействия субъектов в сфере принятия решений по вопросам использования бюджетных ресурсов выявил некоторые недостатки существующих механизмов взаимодействия государства и населения. Несмотря на наличие проблем в практиках, в целом они служат способом выражения части гражданских инициатив и внедрения их в социально-экономическую среду города. Наиболее интересными для дальнейшего развития как формы реализации инициатив населения является подпрограмма «Формирование комфортной городской среды». Тем не менее, стоит заметить, что с помощью действующих практик участия граждан в решении вопросов местного значения не может быть удовлетворено часть сфер жизни общества. Поэтому совершенствование механизмов участия (например, расширение практик создания проектов на другие сферы) смогло бы повысить степень вовлеченности граждан в бюджетный процесс.

Однако серьезным барьером по расширению влияния населения в местном самоуправлении зачастую является не недостатки существующих механизмов взаимодействия государства и населения, а низкая активность самих граждан. Для предотвращения данной проблемы стоит проводить мероприятия по повышению бюджетной грамотности населения.

В этой связи социальной инновацией может выступать разработка дорожной карты в сфере инициативного бюджетирования в регионе, которая должна способствовать процессу его институционализации и снижению барьеров для внедрения механизмов инициативного бюджетирования.

Литература

1. Kirchgaessner G., Feld L.P, Savioz M.R. Die direkte Demokratie: Modern, erfolgreich, entwicklungs-und exportfaehig. Verlag Franz Vahlen Muenchen, 1999

2. Schneider F. Enste D. schattenwirtschaft und Schwarzarbeit; Umfang, Ursachen Wirkungen und wirtschaftspolitische Empfehlungen. R. Oldenbourg Verlag Muenchen; Wien, 2000

3. А. Смит Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1931, - Т. II .

4. Капогузов Е.А. Политическая экономия налогообложения: Монография. Омск: Изд-во ОмГУ-2006. -144 с.

5. Капогузов Е.А. Теория общественного выбора как теоретический фундамент реформ государственного управления // Вестник НГУ. Серия социально-экономические науки. -Том 12 Выпуск 2-2012-. С. 21-30

6. Социальный контроль и институциональные изменения в сфере производства государственных услуг: монография Под общ. ред. Е. А. Капогузова ; Минобрнауки России, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. – Омск : Изд-во ОмГТУ- 2017.

7. Вагин В.В.Инициативное бюджетирование: международный контекст российской версии /В.В. Вагин, Н.А. Шаповалова , Н.В. Гаврилова //Финансовый журнал-2015- № 3 (25)-. С. 117–122

8. Официальный портал фонда президентских грантов [Офиц.сайт]. URL. <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/> (дата обращения 25.03.2018)

9. Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 06.10.2003 N 131-ФЗ (последняя редакция) » - [Электронный ресурс]// URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (Дата обращения 29.04.2018)

10. Публичные слушания по бюджету города на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов - [Электронный ресурс] // URL: <http://www.omskgorsovet.ru/news/budzet-degradacii-i-vumirania> (Дата обращения 07.05.2018)

11. Официальный портал Администрации города Омска [Офф.сайт] . URL: <http://www.admomsk.ru> (Дата обращения 30.04.2018)

12. Постановление Администрации города Омска от 29 мая 2012 года № 744-п «Об утверждении Концепции развития взаимодействия Администрации города Омска с социально ориентированными некоммерческими организациями в городе Омске» (в ред. от 06.06.2017) - [Электронный ресурс] // URL: https://docs.google.com/viewer?url=http%3A%2F%2Fadmomsk.ru%2Fc%2Fdocument_library%2Fget_file%3Fp_1_id%3D375001%26folderId%3D468928%26name%3DDLFE-55079.doc (Дата обращения 29.04.2018)

13. Решение Совета по территориальному общественному самоуправлению при Мэре города Омска от 1 июля 2014 года «Об утверждении «Стратегии развития территориального общественного самоуправления в городе Омске на 2014 – 2018 годы». - [Электронный ресурс] // URL: http://admomsk.ru/c/document_library/get_file?p_1_id=61488&folderId=492937&name=DLFE-38304.doc. (Дата обращения 27.04.2018)

14. Гунько М. С., Пивовар Г. Роль локальных инициатив в городской регенерации: примеры малых и средних городов России - [Электронный ресурс] // URL: <https://conf.hse.ru/2018/program/#11.04.2018Ga> (Дата обращения 12.04.2018)

15. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" - [Электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/president> (Дата обращения 08.05.2018)

ЛИТВИНЦЕВА Г.П., ГАХОВА Н.А.

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия

**ИЗМЕНЕНИЯ В БАЗОВОМ И ТРАНСАКЦИОННОМ
СЕКТОРАХ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

*Публикация подготовлена в рамках выполнения
государственного задания Минобрнауки России, проект
26.2024.2017/4.6.*

В данной статье рассмотрены динамика и структура базового и транзакционного секторов экономики России и сибирских регионов. Промышленность составляет основную часть базового сектора. Выделены отрасли-лидеры по производству валовой добавленной стоимости России и СФО. Проанализированы отличия в развитии базового и транзакционного сектора сибирских регионов. Показана необходимость развития промышленности для обеспечения технологической платформы цифровой экономики и реализации Национальной технологической инициативы в России.

Ключевые слова: базовый сектор, валовой региональный продукт, валовая добавленная стоимость, промышленность, промышленная политика, регионы Сибирского федерального округа, Россия, транзакционный сектор.

LITVINTSEVA G.P., GAKHOVA N.A.

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia

**CHANGES IN THE BASIC AND TRANSACTIONAL
SECTORS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT
REGIONS**

The dynamics and structure of the basic and transactional sector of the Russian economy and the Siberian regions are considered in this article. Industry is an important part of the basic sector. The industries-leaders in producing the gross value added in Russia and

the Siberian Federal District are revealed. Differences in the development of the basic and transactional sector of Siberian regions are analyzed. A need to develop industry to provide a technological platform for digital economics and implementation of the National Technological Initiative in Russia is shown.

Keywords: basic sector, gross regional product, gross value added, industry, industry policy, regions of the Siberian Federal district, Russia, transactional sector.

Основываясь на задачах «Национальной технологической инициативы», «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период», программе «Развитие цифровой экономики в России» до 2035 г. необходимо отметить следующее. К ключевым технологиям, способным создать высокотехнологичные продукты и сервисы, отнесены: квантовые технологии, новые источники энергии, робототехника, аддитивные технологии, технологии беспроводной связи и управления свойствами биологических объектов, искусственный интеллект, системы распределенного реестра, нейротехнологии, другие «умные технологии» [1, 2].

В 2014 г. в Законе о промышленной политике в Российской Федерации были заявлены меры стимулирования промышленной деятельности: а) финансовые меры (субсидии, налоговые льготы, иные преференции); б) информационно-консультационную поддержку; в) поддержку научно-технической и инновационной деятельности; г) поддержку кадров в виде дополнительного профессионального образования); д) поддержку в области внешнеэкономической деятельности. Региональные аспекты включают развитие индустриальных парков, промышленных кластеров, социальных инвестиционных контрактов [3]. Однако уровень реализуемости этих мер оставляет желать лучшего [4].

Цифровая трансформация экономики означает не только смену экономического уклада, связанную с проникновением в них цифровых технологий, но и «принципиальное изменение основного источника добавленной стоимости и структуры экономики за счет формирования более эффективных экономических процессов, обеспеченных цифровыми

инфраструктурами» и «переход функции лидирующего механизма развития экономики к институтам, основанным на цифровых моделях и процессах» [5, с. 8]. Цифровые тренды в промышленности характеризуются переходом на роботизированные производства, 3D-принтинг, массовое индивидуальное производство, технологии промышленной аналитики, промышленный интернет вещей и др. Кроме этого, развиваются новые институционально-организационные системы, такие как шеринговая экономика, кастомизированная экономика, фабрики будущего, университеты 4.0, фаблабы (fab lab) и др. Эти изменения требуют корректировки ранее принятых нормативно-правовых документов, касающихся промышленного производства [6], да и трансформации отраслей в условиях нового витка экономического развития.

Рассмотрим соответствует ли структура экономики России и Сибири заявленным требованиям. Структура экономики рассматривается на основе структуры валового внутреннего продукта (ВВП), валового выпуска (ВВ), валового регионального продукта (ВРП). Отсюда существенное значение имеет изменение производства валовой добавленной стоимости (ВДС) по видам экономической деятельности в экономике в целом и регионах Российской Федерации (РФ). На основе ранее разработанной методики исследования [7] проанализируем структурные сдвиги в разрезе всех видов экономической деятельности, сгруппировав их в два сектора: базовый и транзакционный. Особое внимание обратим на развитие промышленности, которая относится к базовому сектору. Рассматриваемый период – преимущественно 2004–2016 гг.

Анализ показывает, что относительная продуктивность экономики (степень продуктивности, измеряемая долей НДС или ВВП в валовом выпуске) за этот период выросла на 0,5 процентных пункта (п.п.) к уровню 2002 г. и составила в 2016 г. 50,9 %. Между абсолютной продуктивностью экономики (объем реального ВВП) и ее относительной продуктивностью можно наблюдать следующую взаимосвязь (рис. 1, составлено по [8, 9, 10]).

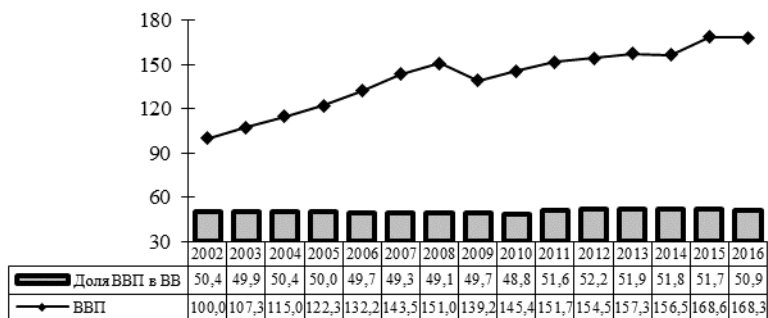

Рис. 1. Динамика производства реального ВВП (2002 = 100) и его доля в ВВ (в текущих ценах, в % к итогу)

В период с 2002 по 2008 гг. на фоне роста реального ВВП наблюдается снижение доли относительной продуктивности. При этом темпы роста абсолютной продуктивности увеличиваются. Резкое падение реального ВВП в 2009 г. сопровождалось ростом относительной продуктивности экономики. С 2010 г. темпы роста ВВП замедляются, доля ВВП в ВВ достигает в 2010 г. своего минимума за рассматриваемый период (48,8 %), увеличивается к 2012 г. (52,2%), затем снижается.

Проанализируем структурные сдвиги более детально, в разрезе базового (трансформационного) (БАС) и транзакционного (ТАС) секторов. К транзакционному сектору отнесем: оптовую и розничную торговлю, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; финансовую деятельность; операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг; государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение. Все остальные виды деятельности включим в состав базового сектора. Анализ валовых выпусков, промежуточного потребления и валовой добавленной стоимости выделенных секторов показывает существенные различия в их продуктивности (рис. 2, составлено по [8, 9, 10]).

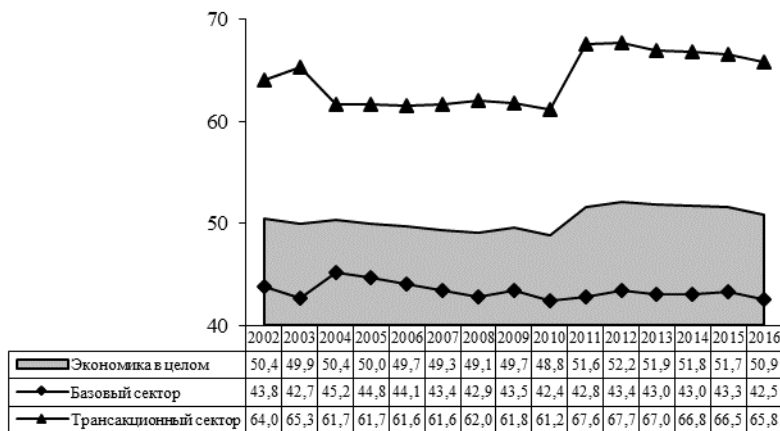

Рис. 2. Динамика относительной продуктивности экономики РФ и ее двух секторов (% ВДС от ВВ)

За рассматриваемый период степень продуктивности в транзакционном секторе достаточно высокая, в базовом секторе относительно низкая. Скачок был в 2004 г. (снижение продуктивности транзакционного сектора (3,6 п.п.), рост базового (2,5)), в 2011 г (рост продуктивности транзакционного сектора на 6,5 п.п.). Можно увидеть схожую динамику изменения относительной продуктивности экономики в целом и ее транзакционного сектора с 2011 г. Относительная продуктивность базового сектора за рассматриваемый период снизилась.

В базовом секторе РФ реальные объемы ВДС выросли на 56,2% в 2016 г. по сравнению с 2002 г. Наибольший рост обеспечили строительство (67,7%), гостиницы и рестораны (59,2%), транспорт и связь (56,8%), добыча полезных ископаемых (41,1%), обрабатывающие производства (40,1%), на долю которых в 2016 г. приходится 38% ВВП. В транзакционном секторе, ВДС которого увеличилась в 1,99 раза, самый существенный рост произошел в финансовой деятельности (в 4,57 раза), на которую приходится 4,5% ВВП. Операции с недвижимостью, лидер в создании ВВП среди всех видов деятельности, выросла в 1,94 раза. До 2008 г. темпы роста

транзакционного сектора были довольно высоки, но после спада в 2009 г. они значительно снизились (рис. 3, составлено по [8, 9, 10]). С 2015 г. в секторе наблюдается спад.

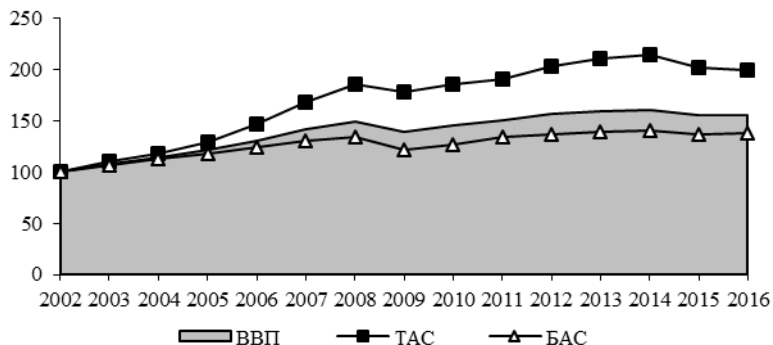

Рис. 3. Динамика производства ВДС в двух секторах российской экономики (% , 2002 = 100)

За рассматриваемый период доля промышленности в ВВП снизилась на 1 п.п., что обусловлено низким ростом доли добычи полезных ископаемых при сокращении доли остальных видов промышленной деятельности. Рост доли добывающих производств позволил им подняться на ступеньку выше в составе отраслей, лидирующих в производстве ВВП. Были вытеснены транспорт и связь, однако появилось государственное управление, обеспечение военной безопасности и обязательное социальное обеспечение (табл. 1).

Самый глубокий спад наблюдался в 2009 г. в обрабатывающих производствах промышленности РФ. До 2006 г. добывающие (Д) и обрабатывающие производства (О) создавали добавленную стоимость интенсивнее, чем базовый сектор и экономика в целом. Относительно низкие темпы изменений наблюдаются в секторе распределения электроэнергии, газа и воды (П) (рис. 4, составлено по [8, 9, 10]).

Таблица 1

Отрасли-лидеры по производству ВВП России (% ВВП)

2002		2016	
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	22,9	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	17,3
Обработывающие производства	17,1	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	16,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10,7	Обработывающие производства	13,8
Транспорт и связь	10,2	Добыча полезных ископаемых	9,5
Добыча полезных ископаемых	6,7	Государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение	7,9
Итого	67,6	Итого	64,6

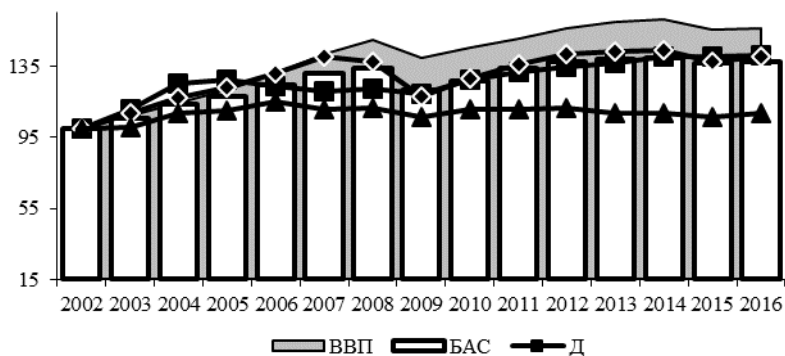

Рис. 4. Динамика производства ВДС в промышленности РФ (% , 2002 = 100)

В Сибирском федеральном округе (СФО) структура добавленной стоимости показывает снижение доли ВДС базового сектора и рост транзакционного сектора. При этом на долю базового сектора приходится 72,8 % ВВП, против 54,2 % в экономике страны в целом. В промышленных производствах тенденции сходны с российскими, но ярче выражены: рост доли ВДС добычи полезных ископаемых (7,7), снижение в обрабатывающих производствах (-9,2). В транзакционном секторе снизилась доля торговли и финансовой деятельности, но это не помешало росту доли сектора в целом. У обрабатывающих производств снижение произошло с 29,1 до 19,9 % (табл. 2, составлено по [11–16]).

Таблица 2

Структура производства ВРП в разрезе базового и транзакционного секторов экономики СФО в 2004–2016 гг. (текущие цены, в % к итогу)

Вид экономической деятельности	2004	2008	2009	2010	2014	2015	2016	При- рост
СФО в целом	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	77,6	72,6	72	73,7	71,5	72,3	72,8	-4,8
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	8,7	6,9	7,4	6,3	5,9	6,3	6,2	-2,5
рыболовство, рыбоводство	0	0	0	0	0	0	0	0
добыча полезных ископаемых	7,9	9,5	8,5	13,6	12,6	14,4	15,6	7,7
обрабатывающие производства	29,1	22,7	21,2	21,8	20	20,4	19,9	-9,2
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,8	4,1	5	4,7	4,2	4,3	4,5	-0,3
строительство	4,9	6,3	5,6	5,9	6,1	5,9	5,3	0,4
гостиницы и рестораны	0,7	1	0,8	0,7	0,9	0,9	0,9	0,2
транспорт и связь	11,8	12,5	12,8	11,9	11,1	10,1	10,7	-1,1
образование	3,9	3,9	4,5	3,6	4,3	4	3,9	0
здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,7	4,5	5	4,2	5	4,7	4,5	-0,2
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,1	1,2	1,2	1,0	1,4	1,3	1,3	0,2
<i>Транзакционный сектор</i>	22,4	27,4	28	26,3	28,5	27,7	27,2	4,8
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	12,7	13,3	12,4	12,0	11,7	11,3	10,8	-1,9
финансовая деятельность	0,4	0,2	0,4	0,4	0,2	0,2	0,2	-0,2

Окончание таблицы 2

Вид экономической деятельности	2004	2008	2009	2010	2014	2015	2016	При- рост
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6	7,6	7,9	7,9	9,9	10,2	10,4	4,4
государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	3,3	6,3	7,3	6,0	6,7	6,0	5,8	2,5

За рассматриваемый период доля ВРП, производимая отраслями-лидерами, существенно снизилась. Только у обрабатывающих производств такое снижение произошло с 29,1 до 19,9 %. Также стоит отметить высокую долю ВДС, которую создало сельское хозяйство (8,7 %) СФО в 2004 г., которая хоть и снизилась к 2016 г., но все равно остается выше, чем в экономике РФ в целом. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг вытеснили из списка лидеров сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство (табл. 3).

Таблица 3

Отрасли-лидеры СФО по производству ВДС (% ВДС)

2004		2016	
Обрабатывающие производства	29,1	Обрабатывающие производства	19,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	12,7	Добыча полезных ископаемых	15,6
Транспорт и связь	11,8	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	10,8
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	8,7	Транспорт и связь	10,7
Добыча полезных ископаемых	7,9	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10,4
Итого	70,2	Итого	67,4

Динамика производства ВДС в секторах экономики СФО характеризуется более низкими темпами роста, чем в экономике страны в целом, но общие тенденции изменений сходны (рис. 5, составлено по [11–15]).

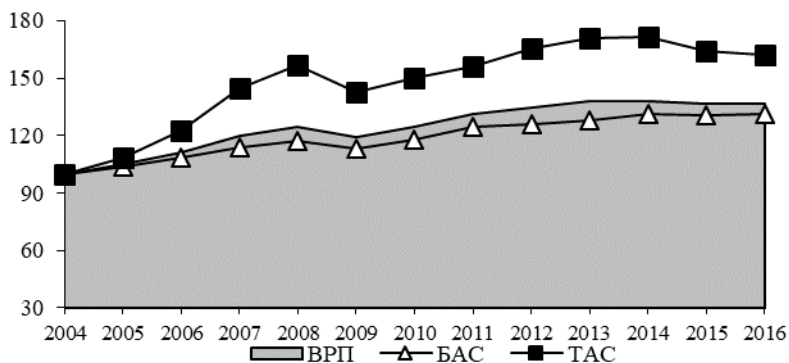

Рис. 5. Динамика производства ВДС в двух секторах экономики СФО (% , 2004 = 100)

На фоне изменений промышленности округа, лишь в добыче полезных ископаемых не наблюдался спад в 2009 г. Начиная с 2009 г., данный вид деятельности характеризуется очень высокими ежегодными темпами роста ВДС (рис. 6, составлено по [11–15]).

Сопоставление долей ВДС, создаваемых отраслями промышленности СФО, показывает: а) в добыче полезных ископаемых на протяжении всего периода цены росли больше, чем объемы производства ВДС (схоже с российской тенденцией); б) в обрабатывающих производствах с 2008 г. темпы роста физических объемов превышают темпы роста цен; в) в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды с 2009 г. темпы роста цен превышают темпы роста физических объемов; г) наблюдается тенденция снижения доли ВДС, измеренной в текущих ценах, создаваемой обрабатывающими производствами и энергетикой.

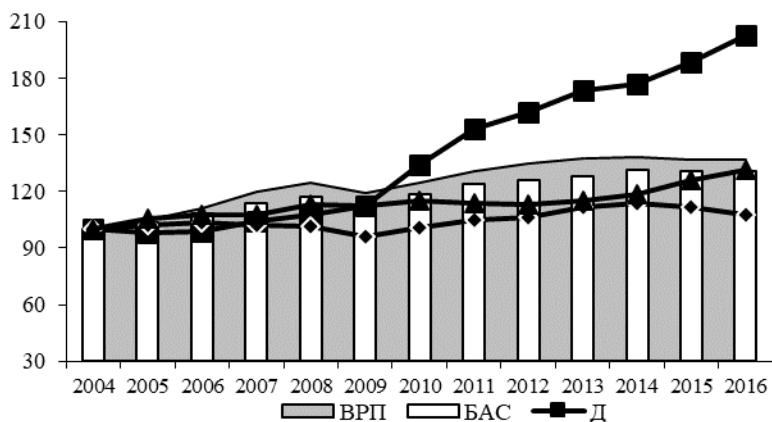

Рис. 6. Динамика производства ВДС в промышленности СФО (% , 2004 = 100)

На основе рассчитанных авторами коэффициентов специализации и локализации промышленности к регионам СФО с промышленной специализацией следует отнести Республику Хакасия, Красноярский край, Иркутскую, Кемеровскую, Омскую и Томскую области, а также СФО в целом (табл. 4, выделено курсивом). Анализ структуры ВРП регионов СФО с промышленной специализацией показал снижение доли ВДС базового сектора. Исключением является Иркутская область, в которой за рассматриваемый период доля ВДС, создаваемая добычей полезных ископаемых, увеличилась на 23,1 п.п. Во всех регионах с промышленной специализацией сократилась доля ВДС, создаваемая обрабатывающими производствами; во всех, кроме Томской области, увеличилась доля ВДС добычи полезных ископаемых. Самым существенным ростом доли ТАС характеризуется Омская область. В непромышленных регионах наибольшее сокращение базового сектора произошло в Новосибирской области (-12,4 п.п.) (табл. 4, рассчитано по [11, 17]).

Таблица 4

Структура ВРП регионов СФО в разрезе базового и
транзакционного секторов в 2004–2016 гг.

Сектор	2004	2007	2008	2009	2010	2011	2014	2015	2016	Прирост
<i>СФО в целом</i>	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	77,6	73,5	72,6	72	73,7	73,2	71,5	72,3	72,8	-6,1
<i>Транзакционный сектор</i>	22,4	26,5	27,4	28	26,3	26,8	28,5	27,7	27,2	6,1
Республика Алтай	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	68,0	67,2	67,0	65,2	66,8	68,7	64,0	63,5	62,7	-5,3
<i>Транзакционный сектор</i>	32,0	32,8	33,0	34,8	33,2	31,3	36,0	36,5	37,3	5,3
Республика Бурятия	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	79,5	71,9	74,2	71,6	71,5	73,5	70,8	69,8	67,3	-12,2
<i>Транзакционный сектор</i>	20,5	28,1	25,8	28,4	28,5	26,5	29,2	30,2	32,7	12,2
Республика Тыва	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	71,1	61,8	59,5	59,0	59,0	58,6	60,9	63,7	67,4	-3,7
<i>Транзакционный сектор</i>	28,9	38,2	40,5	41,0	41,0	41,4	39,1	36,3	32,6	3,7
Республика Хакасия	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	74,9	73,4	71,7	73,8	72,7	69,5	66,0	70,6	71,8	-3,1
<i>Транзакционный сектор</i>	25,1	26,6	28,3	26,2	27,3	30,5	34,0	29,4	28,2	3,1
Алтайский край	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	70,7	62,5	64,1	66,7	65,7	66,0	63,5	65,0	66,6	-4,1
<i>Транзакционный сектор</i>	29,3	37,5	35,9	33,3	34,3	34,0	36,5	35,0	33,4	4,1
Забайкальский край	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	72,6	68,2	68,5	67,1	67,5	67,2	66,8	67,6	71,8	-0,8
<i>Транзакционный сектор</i>	27,4	31,8	31,5	32,9	32,5	32,8	33,2	32,4	28,2	0,8
Красноярский край	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	84,3	83,3	79,0	78,3	82,3	81,8	79,2	81,7	81,9	-2,4
<i>Транзакционный сектор</i>	15,7	16,7	21,0	21,7	17,7	18,2	20,8	18,3	18,1	2,4
Иркутская область	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	74,4	74,1	73,9	73,5	75,7	75,6	77,1	77,4	77,7	3,3
<i>Транзакционный сектор</i>	25,6	25,9	26,1	26,5	24,3	24,4	22,9	22,6	22,3	-3,3
Кемеровская область	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	77,0	74,5	75,7	73,0	75,5	76,8	75,5	75,7	76,8	-0,2
<i>Транзакционный сектор</i>	23,0	25,5	24,3	27,0	24,5	23,2	24,5	24,3	23,2	0,2
Новосибирская область	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	67,2	59,6	60,2	62,6	60,3	57,1	55,3	54,8	54,8	-12,4
<i>Транзакционный сектор</i>	32,8	40,4	39,8	37,4	39,7	42,9	44,7	45,2	45,2	12,4
Омская область	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
<i>Базовый сектор</i>	83,6	74,8	75,4	74,0	74,0	73,8	72,5	72,4	72,7	-10,9
<i>Транзакционный сектор</i>	16,4	25,2	24,6	26,0	26,0	26,2	27,5	27,6	27,3	10,9

Окончание таблицы 4

Сектор	2004	2007	2008	2009	2010	2011	2014	2015	2016	Прирост
Гомская область	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
Базовый сектор	80,7	75,3	75,1	71,7	72,2	74,0	73,1	74,3	72,0	-8,7
Трансакционный сектор	19,3	24,7	24,9	28,3	27,8	26,0	26,9	25,7	28,0	8,7

В Омской области (регион с промышленной специализацией) доля обрабатывающих производств снизилась сильнее, чем базовый сектор в целом (-15,8 п.п.), что наблюдалось на фоне роста всех остальных (кроме сельского хозяйства) видов экономической деятельности региона (рис. 7, составлено по [12–15]).

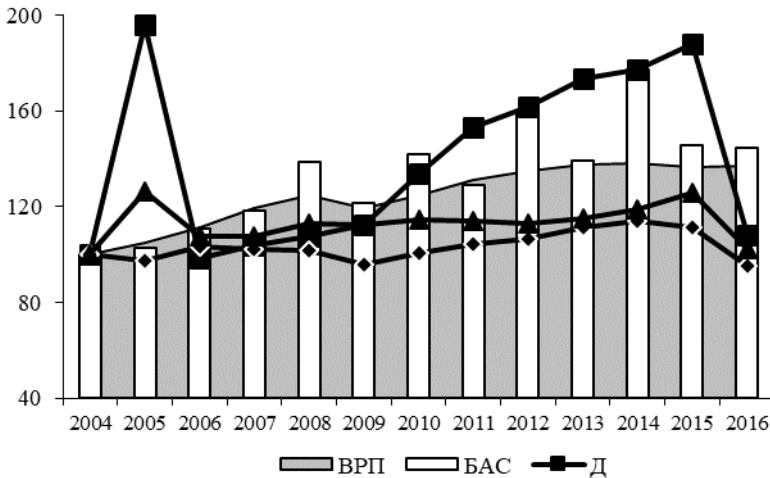

Рис. 7. Динамика производства ВДС в промышленности Омской области (% , 2004 = 100)

Рост базового сектора Иркутской области обусловлен тем, что за рассматриваемый период доля ВДС, создаваемая добычей полезных ископаемых Иркутской области, увеличилась на 23,1 п.п., (рис. 8, составлено по [12–15]).

Самое существенное сокращение в базовом секторе Новосибирской области наблюдается в сельском хозяйстве (-5,7 п.п.), здравоохранении (-3,7), обрабатывающих производствах

(–3,2). В целом анализ промышленного производства Сибирского федерального округа подтверждает энерго-сырьевую специализацию его ведущих регионов.

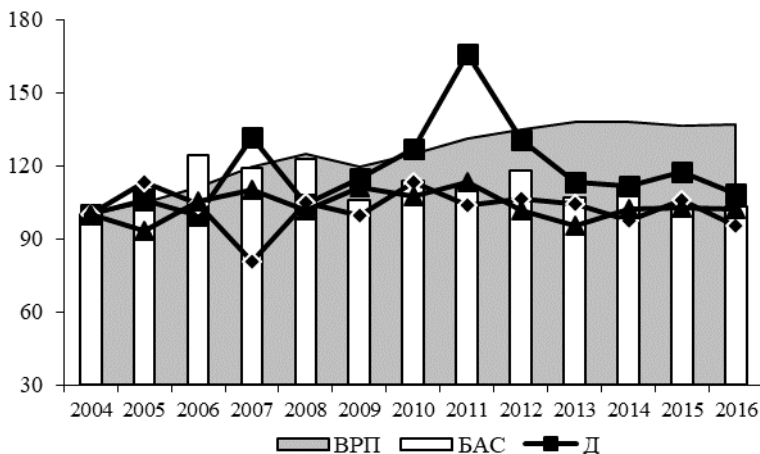

Рис. 8. Динамика производства ВДС в промышленности Иркутской области (% , 2004 = 100)

Таким образом, хотя российская промышленность создает почти треть добавленной стоимости экономики страны, но сохранение этой доли обеспечивается преимущественно добывающими производствами. В экономике СФО снижение доли добавленной стоимости, создаваемой обрабатывающими производствами, не компенсируется даже ростом добычи полезных ископаемых. Начиная с 2009 г., добыча полезных ископаемых характеризуется высокими ежегодными темпами роста ВДС. В целом в 2004–2016 гг. подтверждается усиление энерго-сырьевой специализации экономики России и СФО. Во всех регионах с промышленной специализацией СФО сократилась доля ВДС, создаваемая обрабатывающими производствами, во всех, кроме Томской области, увеличилась доля ВДС добычи полезных ископаемых.

Снижение доли добавленной стоимости, создаваемой промышленностью СФО, к сожалению, нельзя трактовать как

путь к индустрии 4.0. Сокращение добавленной стоимости обрабатывающих производств вызывает опасения относительно реализуемости задач цифровой экономики. Конечно, сырьевая специализация дает определенные преимущества, но развитие современной промышленности требует: 1) ясного целеполагания в рамках национальной стратегии и инновационной политики; 2) конкретных инструментов развития «умной» и цифровой промышленности, сопровождаемых необходимыми объемами государственных и частных инвестиций; 3) сочетанием отраслевого и регионального управления на территориях; 4) взаимодействием технологической стратегии, стратегии пространственного развития, экономической безопасности и адаптационной устойчивости.

Литература

1. Национальная технологическая инициатива [Электронный ресурс] / Национальная технологическая инициатива [Официальный сайт]. URL: <http://www.nti2035.ru/nti/> (дата обращения: 20.12.2015).

2. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период [Электронный ресурс] / Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: <http://sntr-rf.ru/materials/strategiya-nauchno-tekhnologicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii-na-dolgosrochnyy-period/> (дата обращения: 15.12.2017).

3. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. N 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / Информационно-правовое обеспечение «Гарант» [Официальный сайт]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70833138/paragraph/88:0> (дата обращения: 20.07.2015).

4. Гахова Н.А. Качество промышленной политики в регионе (на примере Сибирского федерального округа) / Н.А. Гахова // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации: материалы 4 междунар. науч.

конф., Омск, 21–23 окт. 2015 г. : в 2 ч. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – Ч. 2. – С. 365-371.

5. Развитие цифровой экономики в России. Программа до 2035 года [Электронный ресурс]. Москва: Центр изучения Цифровой (электронной) экономики, 2017. – 40 с. URL: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2017/05/strategy.pdf> (дата обращения: 01.03.2018).

6. Кузнецов С.В., Горин Е.А. Цифровизация экономики и трансформация промышленной политики // Инновации. – 2017. – № 12 (230). – С. 34-39.

7. Литвинцева Г.П. Продуктивность экономики и институты на современном этапе развития России. – Новосибирск: Наука, 2003. – 380 с.

8. Национальные счета России в 2002–2009 годах: Стат. сб./ Росстат. – М., 2010. – С. 62-191.

9. Национальные счета России в 2007–2014 годах: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – С. 64-203.

10. Национальные счета России в 2011–2016 годах: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 263 с.

11. Структура ВРП по отраслям экономики [Электронный ресурс] / Росстат [Официальный сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vvp2.htm (дата обращения: 01.03.2018).

12. Региональные показатели системы национальных счетов [Электронный ресурс] // Национальные счета России в 2007–2014 годах / Росстат [Официальный сайт]. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b15_15/IssWWW.exe/Stg/5.1.xlsx (дата обращения: 20.07.2015).

13. Региональные показатели системы национальных счетов [Электронный ресурс] // Национальные счета России в 2011–2016 годах / Росстат [Официальный сайт]. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b17_15/IssWWW.exe/Stg/5.2.xlsx (дата обращения: 10.03.2018).

14. Индексы физического объема валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности [Электронный ресурс] // Национальные счета России / Росстат [Официальный сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp1.htm (дата обращения: 20.07.2015).

15. Индексы физического объема валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности [Электронный ресурс] // Национальные счета России / Росстат [Официальный сайт]. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b17_15/IssWWW.exe/Stg/5.6.xlsx (дата обращения: 10.03.2018).

16. Структура ВВП по видам экономической деятельности [Электронный ресурс] / Росстат [Официальный сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vvp2.htm (дата обращения: 20.07.2015).

17. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.

МАРКЕЛОВ В.А.

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА КАК ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Проведен анализ существующих определений государственно-частного партнерства(ГЧП) и выделены основные признаки. Предложено рассматривать торгово-промышленную палату (ТПП) как одну из форм ГЧП. Приведены региональные примеры взаимодействия ТПП и власти.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, торгово-промышленная палата, власть.

MARKELOV V.A.

Novosibirsk state University of Economics and management, Novosibirsk, Russia.

THE CHAMBER OF COMMERCE AS A FORM OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS

Analysis of the existing definitions of PPP and the basic signs. Is suggested to consider the chamber of Commerce and industry (CCI) as a form of PPP. Are regional examples of collaboration of chamber of Commerce and government.

Keywords: public-private partnership, chamber of Commerce, government.

Государственно-частное партнерство (ГЧП), как форма взаимодействия государства и бизнеса, за последние несколько лет не раз становилось объектом различных научных и общественных обсуждений. Специфика построения отечественной экономики, значительная роль государственного участия в которой отмечается многими специалистами, во многом обуславливает актуальность применения данного института. Кроме того, указанный институт имеет значительную

историю, а опыт его успешного применения существует практически у любой страны с развитой рыночной экономикой. Данная успешность во многом обусловлена простотой, универсальностью и гибкостью, которые могут принимать подобный способ организации взаимодействия государства и бизнеса.

Государственно-частное партнерство, как любое сложное общественное образование, имеет достаточно много определений. По сути, каждое из них отражает один из признаков, лежащих в основе ГЧП. В качестве примеров можно привести несколько наиболее характерных определений:

-с точки зрения общей создаваемой стоимости - форма взаимодействия между государственным и частным сектором длительного характера, в котором участники производят продукты или оказывают услуги, характеризующаяся разделением рисков, расходов и доходов;

-с точки зрения идеи договора и разделения рисков - институциональная форма взаимодействия между государственным и частным сектором, которые, преследуя собственные интересы, работают в целях достижения общей цели, в рамках которой стороны принимают инвестиционные риски на основе заранее определенной формы распределения доходов и расходов;

-с точки зрения совместного финансирования и управления – это система, в которой общественная услуга или частное предприятие финансируется и управляется посредством партнерства между правительством и одним или несколькими компаниями частного сектора;

-с точки зрения регулирования экономики - эффективное институциональное средство сглаживания проявлений фиаско рынка в форме привлечения капитала и установления общей ответственности в операциях между государственными и частными организациями на условиях сотрудничества;

-с точки зрения реформы управления экономикой - инновационный инструмент взаимодействия образовательного характера, предполагающий передачу знаний, прежде всего, от бизнеса к правительству, призванный изменить формат функционирования правительства;

-с точки зрения разделения прав - горизонтальное разделение контроля, когда взаимоотношения между бизнесом и государством видоизменяются через существо взаимодействия и доверия, взаимовыгодное разделение ответственности, знаний, рисков, взаимные уступки и урегулирование противоречий;

-с точки зрения общественных отношений - отношения, возникающие между частным сектором и государственными органами, как правило, с целью привлечения частных ресурсов и/или знаний для того, чтобы способствовать созданию общественных благ и оказанию общественных услуг.

С принятием Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодательно закреплено определение:

«ГЧП - юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера с одной стороны и частного партнера с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о ГЧП, заключенного в соответствии с настоящим федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества»[1].

Общими особенностями большинства указанных определений являются:

- в основу квалификации соответствующих отношений государства и бизнеса положено заключение соответствующего соглашения;
- форма указанной деятельности – сотрудничество или совместная деятельность;
- цель указанной деятельности имеет четко выраженную публичную, общественную направленность (его главная цель - удовлетворение публичного интереса);
- в процессе реализации проектов на основе ГЧП консолидируются, объединяются активы (ресурсы и вклады) сторон;

- финансовые риски и затраты, а также достигнутые в ГЧП результаты распределяются между сторонами в пропорциях согласно взаимным договоренностям, зафиксированным в соответствующих соглашениях, договорах, контрактах и т.п.

Указанные особенности мы можем обозначить в качестве основных признаков, позволяющих охарактеризовать сложившееся общественное образование в качестве ГЧП.

На основе данных определений ГЧП и форм его реализации проанализируем деятельность организаций бизнеса - торгово-промышленных палат (ТПП).

Сегодня, система торгово-промышленных палат (ТПП) является, пожалуй, одним из наиболее крупных объединений, занимающихся защитой интересов предпринимательства. Данное образование имеет весьма солидную историю – как таковая система торгово-промышленных палат существует уже более 90 лет(в России), в то время как первые аналогичные образования – коммерц-коллегии - обладавшие похожим набором полномочий, были созданы еще во времена Петра I. Между тем, защита интересов предпринимателей никогда не являлась единственным направлением деятельности ТПП – исторически на данную систему неоднократно возлагались отдельные государственные функции: например, противодействие монополизму и недобросовестной конкуренции, обеспечение внешнеэкономической деятельности, особенно на начальном ее этапе, содействие развитию предпринимательства. Указанные задачи не потеряли своей актуальности и сегодня – действующее законодательство о торгово-промышленных палатах в отдельном законе РФ от 07.07.1993 N 5340-1 "О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации" закрепляет их в качестве основных [2]. Данное обстоятельство, в частности, отличает торгово-промышленные палаты от большинства неспециализированных общественных объединений, поскольку изначально закрепляет их специальную правосубъектность. Таким образом, государство на уровне нормативно-правового регулирования передает системе торгово-промышленных палат часть полномочий, обеспечением реализации которых должны

заниматься, прежде всего, государственные органы. Эти полномочия подтверждены в новом Федеральном законе от 30.12.2015 N 451-ФЗ "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации". В частности, подтверждено право ТПП выполнять функции организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства[3].

Современный опыт работы ТПП содержит немало примеров реализации отдельных функций органов государственной власти РФ или субъектов РФ торгово-промышленным палатам [4].

Наиболее востребованным государственным полномочием, закрепленным за системой торгово-промышленных палат, является полномочие по удостоверению сертификатов происхождения товара, с обеспечением их выдачи. Указанное полномочие, обусловленное значительным опытом торгово-промышленных палат в сфере экспертной деятельности, имеет большое значение в организации прохождения субъектами внешнеэкономической деятельности таможенного оформления. Соответствующие полномочия реализуются ТПП уже более полутора десятков лет. Необходимо отметить, что в ходе его реализации система ТПП является встроенным элементом государственного механизма таможенного оформления товаров, пересекающих таможенную границу Российской Федерации. Однако, понимание роли системы ТПП как определенной формы взаимодействия государства и бизнеса указанными функциями далеко не исчерпывается.

В современных условиях, с появлением национального режима и ограничений на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, у поставщиков возникла необходимость указывать страну происхождения предлагаемого к поставке товара для государственных нужд. Это обязательное требование, за нарушение которого заявка на участие в конкурсе может быть отклонена комиссией при рассмотрении. И именно системе ТПП государством было делегировано полномочие выдачи удостоверяющего документа.

Активную роль система ТПП играет и в координации усилий, нацеленных на органичное и эффективное интегрирование механизмов привлечения инвестиций в различные сектора национальных экономик. В данном направлении ТПП приходится тесно взаимодействовать и с государством, и с бизнесом, в том числе, по вопросам подготовки, организации и реализации различных ГЧП проектов.

Что касается содействия развитию инвестиционной активности в РФ в целом, то в декабре 2011 года было создано международное агентство по привлечению инвестиций (МАПИ). Данная структура была учреждена в целях разработки новой информационной среды для стимулирования роста иностранных инвестиций в экономику России и реализации комплекса профессиональных консалтинговых услуг для компаний, готовых инвестировать в проекты на зарубежных рынках. Учредителями Агентства выступили Торгово-промышленная палата России, Российское Энергетическое Агентство Минэнерго России, Российско-Арабский Деловой Совет и Ассоциация работников правоохранительных органов и спецслужб РФ. Новым примером деятельности ТПП РФ в этом направлении является Центр инвестиций и технологий. ЦИТТ создан при поддержке Торгово-промышленной палаты Российской Федерации и Конфедерации Торгово-промышленных палат стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Центр является универсальной платформой по отбору и привлечению инвестиций в перспективные технологические инновационные проекты.

Кроме того, на региональном уровне в течение последних нескольких лет был подписан целый ряд многосторонних соглашений о сотрудничестве с участием ТПП РФ, региональных торгово-промышленных палат и органов исполнительной власти, соответствующих субъектов РФ, направленных на содействие развитию инвестиционной и инновационной деятельности. В рамках указанных соглашений система ТПП рассматривалась в качестве площадки привлечения инвестиций в экономики соответствующих регионов, а также брали на себя обязательства по сотрудничеству в сфере содействия их социально-

экономическому развитию. Как пример, между Правительством Новосибирской области, ТПП РФ и Новосибирской ТПП в 2011 г. было заключено трехстороннее соглашение о содействии инвестиционной деятельности.

В 2016-2018гг. Новосибирская ТПП приняла участие в работе в рамках реализации мероприятий «дорожной карты» Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ.

Показательно, что в СНГ значительную роль для развития ГЧП так же играют местные Торгово-промышленные палаты. Например, ТПП Киргизии занимается на данный момент отбором пилотных ГЧП-проектов. ТПП Узбекистана в рамках деятельности Программы развития ООН реализует проект по внедрению механизма государственно-частного партнерства.

В регионах России также накоплен положительный опыт сотрудничества ТПП и власти в иных направлениях. Так в 2007 году Кузбасской ТПП переданы функции администрации области во внешнеэкономической деятельности. Администрация Кемеровской области и Кузбасская торгово-промышленная палата подписали соответствующее соглашение о сотрудничестве. Позднее аналогичный опыт был реализован в ряде иных региональных торгово-промышленных палат, например, в Омской области.

В Ставропольском крае в целях оказания постоянной поддержки и развития малого и среднего бизнеса в региональная ТПП стала управляющей компанией «Бизнес-инкубатора» г. Ставрополь и ведет совместный с городской администрацией проект «Скорая Помощь субъектам малого и среднего предпринимательства». Система бизнес-инкубаторов является одним из элементов государственной поддержки развития предпринимательства, предусмотренной Федеральным законом от 24.07.2007 N 209-ФЗ "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации".

В Новосибирской области региональная ТПП являлась соисполнителем долгосрочной целевой программы «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Новосибирской области на 2012-2016 годы». Общий объем финансирования Программы составил 1748987,0 тыс. рублей, в

том числе: средства Новосибирской торгово-промышленной палаты – 9210,0 тыс. Цель Программы – создание условий для развития малого и среднего предпринимательства, прежде всего в сфере материального производства и инновационной деятельности, для повышения экономической и социальной эффективности работы субъектов малого и среднего предпринимательства на территории Новосибирской области. Эта же ТПП, заключив соглашение с профильным областным министерством, стала партнером по оценке регулирующего воздействия - процедуры, в ходе которой анализируются проекты нормативных правовых актов с целью выявления в них положений, приводящих к избыточным административным и другим ограничениям в деятельности предпринимателей, а также к необоснованным расходам, как для бизнеса, так и для бюджетной системы.

Масштабность, сложность и многообразие проблем развития малого и среднего предпринимательства, потребность в координации усилий органов государственной власти, негосударственных организаций, в том числе общественных объединений субъектов малого и среднего предпринимательства, иных структур поддержки предпринимательства, органов местного самоуправления муниципальных образований области для решения проблем развития предпринимательства обуславливают необходимость комплексного и последовательного подхода, рассчитанного на долгосрочный период, который предполагает использование программно-целевых методов, обеспечивающих увязку реализации мероприятий по срокам, ресурсам, исполнителям, а также организацию процесса управления и контроля, в том числе и со стороны общественных организаций.

Указанные примеры наглядно демонстрируют возможности системы торгово-промышленных палат в качестве своеобразной формы государственно-частного партнерства. Признаками данной формы в подобном сотрудничестве является следующий ряд факторов:

- субъектный состав, включающий участие государства, а также объединения предпринимателей, являющегося представителем их интересов. Торгово-промышленные палаты,

безусловно, являясь обособленным субъектом, на практике все равно в той или иной форме привлекают к реализации соответствующих проектов членов соответствующих торгово-промышленных палат – субъектов предпринимательской деятельности. Кроме того, сама природа торгово-промышленных палат обуславливает необходимость их рассмотрения именно в качестве формы объединения субъектов предпринимательской деятельности;

- значительный авторитет и широкая инфраструктура системы ТПП, представленной во всех регионах РФ, позволяет говорить о постоянно действующем и эффективном механизме взаимодействия бизнеса и органов власти, как на федеральном уровне, так и на уровне областей и муниципальных образований. Данная составляющая подчеркивает высокую социальную значимость созданного механизма работы торгово-промышленных палат в нашей стране – обязательный признак любого ГЧП проекта.

- социальная значимость реализуемого проекта, замещение им соответствующих государственных функций. Проектам, в реализации которых участвует торгово-промышленные палаты, не свойственная исключительно коммерческая направленность – они имеют социально-экономическое значение, оказывая влияние на экономику отдельного региона или всей страны в целом, либо замещают исполнение отдельных государственных функций;

- реализация указанных проектов направлена на перераспределение рисков от государства к частному сектору, непосредственно ответственному за реализацию проекта: распределение происходит между государством и торгово-промышленными палатами. Аналогичным образом складываются отношения в части распределения финансовых затрат, а также извлечения непосредственной выгоды от реализации проекта.

- взаимодействие государства и торгово-промышленных палат закрепляется соответствующим юридическим актом, распорядительного характера – соглашением.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что существующая сегодня система торгово-промышленных

палат является одной из исторически сложившихся в Российской Федерации форм реализации государственно-частного партнерства. Указанная форма строится не в рамках самостоятельных гражданско-правовых конструкций, а основана либо на делегировании отдельных полномочий органов государственной власти различного уровня путем издания соответствующего нормативно-правового акта, либо путем заключения рамочного соглашения о сотрудничестве, подразумевающего реализацию отдельных проектов. Тем не менее, данные особенности соответствующей конструкции организации ГЧП на базе системы торгово-промышленных палат несколько не снижают ее востребованности и эффективности.

Литература

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации».

2. Федеральный закон от 07.07.1993 N 5340-1 "О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации".

3. Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. N 451-ФЗ "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации".

4. Материалы межрегиональной научно-практической конференции: Роль торгово-промышленных палат в совершенствовании правового регулирования отношений власти и бизнеса, г. Москва-Саратов, 2011.

НОВИКОВА Т.С.

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск,
Россия

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МОДЕЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
КАПИТАЛ В ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТАХ**

Инновационные проекты со значительными инвестициями в человеческий капитал и НИОКР характеризуются высоким уровнем экономической эффективности и одновременно низкими показателями финансовой эффективности, что приводит к их недостаточному финансированию частными инвесторами. В статье предлагается модель инновационного проекта, позволяющая оценивать последствия государственного стимулирования инвестиций в образование, профессиональное обучение и НИОКР и соответствующего изменения институциональных рамок на проектном уровне. Расчет взаимосвязанной системы показателей эффективности и их изменения при изменении институциональных рамок проводится на примере реального инновационного проекта.

Ключевые слова: финансовая и экономическая эффективность, институциональные рамки, человеческий капитал, государственная поддержка.

NOVIKOVA T. S.

Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk state University of Economics and management,
Novosibirsk, Russia.

**INSTITUTIONAL PROBLEMS OF MODELING THE
INVESTMENTS IN HUMAN CAPITAL FOR INNOVATIVE
PROJECTS**

Innovative projects with significant investments in human capital and R & D are characterized by a high level of economic efficiency and at the same time low indicators of financial efficiency, which leads to their inadequate financing by private investors. The paper proposes an

innovative project model for evaluation the effects of government stimulating the investment in education, training and R & D and the corresponding change in the institutional framework at the project level. The calculation of the interconnected system of efficiency indicators is based on the example of a real innovation project.

Keywords: financial and economic efficiency, institutional framework, human capital, government support.

Постановка проблемы

Современное научно-технологическое развитие базируется на непрерывном инвестировании в человеческий капитал, в том числе на проектном уровне. При этом в инвестиционных проектах выделяются затраты на обучение, реализацию образовательных и исследовательских программ и анализируется влияние соответствующих инвестиций в человеческий капитал на результаты оценки проектов, включая ставшими традиционными в проектном анализе показатели финансовой и экономической эффективности, эффективности проектов и эффективности участия в проектах [1-4].

Несмотря на актуальность проблематики человеческого капитала для современного развития экономики знаний большинство реальных проектов соответствующую информацию не представляют. В предлагаемой статье оценивается проект производства нанокерамики ЗАО «НЭВЗ-керамикс» (г. Новосибирск) с акцентом на выделение инвестиций в человеческий капитал и НИОКР[5]. Объем инвестиций в данном проекте составляет 1905 млн. руб., включая инвестиции в человеческий капитал в форме расходов на технико-технологическое обучение персонала в размере 5 млн. руб. и образовательную программу размере 150 млн. руб., что в сумме составляет значительную величину в размере 8.1% от общего объема инвестиций. При оценке эффективности внимание сконцентрируется на выборе определении договорных отношений и институциональных форм взаимодействия участников проекта, направленных на стимулирование инвестиций в человеческий капитал за счет изменения заинтересованности в реализации проекта его частных участников.

Результирующие показатели эффективности проектов в значительной мере определяются составом учитываемых затрат и выгод от человеческого капитала [6, с. 7-51]. Особенности инвестиций в человеческий капитал связаны с определением выгод. Среди финансовых частных выгод, приводящих к притоку денежных средств, традиционно выделяются увеличение продаж, рост качества продукции, уменьшение издержек, потребности в контроле и консультировании, потерь от ошибок. К прямым выгодам относят также составляющие, которые достаточно сложно измерить в денежном выражении: рост удовлетворенности покупателей, улучшение взаимодействия персонала, воплощение новых идей, расширение производственных задач и возможностей. В качестве основных прямых выгод фирм от обучения работников большинство авторов рассматривают также рост производительности и прибыльности, повышение конкурентоспособности [7, 8]. Такие результирующие показатели широко применяются при оценке развития компаний, осуществляющих инвестиции в человеческий капитал и НИОКР, как отдельных, так и взаимосвязанных в рамках определенной отрасли или территории.

Проблема денежного измерения выгод проекта, находящихся за его институциональными рамками, и включения таких выгод в денежные потоки этого проекта относится к одной из наиболее сложных. Методы ее решения разрабатываются в рамках экономического аспекта проектного анализа. Анализ нефинансовых выгод от образования, как правило, связывают с достижением целей общества в целом и содействием долговременному экономическому росту. В своем исследовании [9] Саввидж А. и Сандетгос Т. показали, что наиболее успешными в решении своих проблем развития становятся те страны, которые наиболее активно инвестировали в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы для создания новых знаний, а также в образование, информационные и коммуникационные технологии для распространения знаний.

Методика оценки отдачи от инвестиций в обучение, разработанная Вайнингом А. и Веймером Д., содержит

классификацию выгод от образовательных программ по трем основным группам экономических субъектов: непосредственные участники (соответствующие прямым финансовым выгодам), получающие налоги организаций (соответствующих налоговым эффектам как составной части экономических выгод) и все остальные заинтересованные лица, получающие измеряемые в денежном выражении выгоды (соответствующих сумме внешних и косвенных эффектов) [10, с. 11]. Заметим, что среди положительных выгод от инвестиций с учетом образования налоговые эффекты представляют собой единственную группу эффектов, возникающих практически во всех проектах и достаточно просто измеряемых в денежном выражении.

Положительные внешние эффекты традиционно выделяются в качестве общепринятых составляющих выгод от образовательных программ. Многочисленные обзоры эмпирических и теоретических исследований выгод от непрерывного образования ([26], стр. 78) подчеркивают существенную корреляцию между участием взрослых в образовательных программах и значительными положительными экстерналиями.

Практически во всех работах подчеркивается сложность измерения в денежном выражении выгод от образовательных программ и соответствующих положительных внешних и косвенных эффектов, но одновременно делается вывод о настоятельной необходимости проведения соответствующих расчетов. Это проблема не только и не столько оценки, сколько реального экономического развития, в котором значимые выгоды не влияют на принятие решений частными участниками.

В целом, инвестиции в человеческий капитал и НИОКР на уровне инвестиционных проектов обеспечивают рост прибыльности, производительности и конкурентоспособности фирм-инициаторов в сочетании с улучшением перспектив экономического роста и повышения уровня жизни. Возникает настоятельная необходимость количественной оценки соответствующих эффектов и их изменения в результате различных институциональных условий реализации инновационных проектов.

Оценка последствий государственного стимулирования инвестиций в человеческий капитал в модели проекта

Для получения количественных оценок эффективности проекта с выделением инвестиций в человеческий капитал и НИОКР была разработана модель инвестиционного проекта, реализуемая в различных институциональных рамках [11].

Институциональные условия проекта различаются в зависимости мер государственной поддержки (ГП), обособления образовательной программы и способов капитализации расходов на образование. ГП включает предоставление бюджетных ассигнований по направлениям, связанным и не связанным с образовательной программой, разделение на прямую и опосредованную, предоставление льгот по налогу на имущество и ускоренному списанию НИОКР. Разработанная модель позволяет определять изменения денежных потоков проекта и участия в проекте, возникающие в результате ГП, а на их основе рассчитывать изменения показателей чистого дисконтированного дохода в рамках анализа финансовой эффективности.

Государственную поддержку можно подразделить на прямую и косвенную. Основной тип прямой ГП проектов возникает за счет финансирования части инвестиций или текущих затрат за счет бюджетных средств (в том числе из Инвестиционного фонда РФ и других институтов развития), а также дотации и субсидии. Косвенная ГП разделяется на целевую и опосредованную. Целенаправленная косвенная ГП связана с предоставлением налоговых льгот, в том числе изменением традиционной базы, ставки и периодов уплаты, инвестиционным налоговым кредитом. Опосредованная (вторичная) косвенная ГП характеризуется изменением налоговых платежей, возникающим в результате изменения налоговых баз при получении прямой ГП [12, стр. 64].

Общее влияние изменений институциональных условий на результаты реализации проекта предлагается оценивать в рамках анализа финансовой эффективности на основе сравнения денежных потоков проекта и соответствующих показателей

чистого дисконтированного дохода (ЧДД) в двух ситуациях: без поддержки и с предоставлением поддержки [12, с. 60-78].

Соотношение денежных потоков в вариантах с предоставлением и без предоставления ГП можно представить следующим образом:

$$CFF_t^{NG} = CFF_t - \Delta T_t - H_t - I_t ; t = 1, \dots, T, \quad (1)$$

где CFF_t^{NG} – сальдо потоков денежных средств по инвестиционному проекту в период t в рамках анализа финансовой эффективности в условиях без предоставления ГП;

CFF_t – сальдо потоков денежных средств в рамках анализа финансовой эффективности проекта в варианте с ГП и обособлением целевых инвестиций;

ΔT_t – изменение налогов за счет предоставления ГП проекту в период t ;

H_t – инвестиции в человеческий капитал, финансируемые за счет прямой господдержки в период t ;

I_t – остальная часть инвестиций и текущих затрат, финансируемая за счет бюджетных ассигнований в период t .

Переход от финансового анализа к экономическому осуществляется с помощью соответствующей корректировки денежных потоков в рамках финансовой на четыре группы эффектов инвестиционного проекта в каждый период t : налоговые t_t , косвенные v_t , внешние μ_t и ценовые p_t . В результате этого формула для определения сальдо денежного потока в рамках анализа экономической (общественной) эффективности CFE_t принимает вид:

$$CFE_t = CFF_t + v_t + \mu_t + t_t - s_t ; t = 1, \dots, T. \quad (2)$$

При стабильных технико-экономических условиях реализации проекта денежные потоки и соответствующие показатели общественной эффективности остаются неизменными при изменении институциональных условий и соответствующих договорных отношений между участниками проекта.

Для оценки последствий ГП проекта базируется на сравнении уровней финансовой эффективности проекта в

соответствующих вариантах модели, характеризующихся определенным сочетанием инструментов ГП. Эффекты ГП предлагается рассчитывать с помощью дисконтированных денежных потоков в результате последовательного перехода от варианта без поддержки к соответствующим вариантам с добавлением одной из форм ГП.

$$G = G_1 + \Delta G_2 + \Delta G_3 + \Delta G_4 = G_1 + \Delta G = \sum_{t=0}^T \frac{H_t + I_t + \Delta T_t^1 + \Delta T_t^2 + \Delta T_t^3 + \Delta T_t^4}{(1+r)^t}, \quad (3)$$

где G – общий эффект институциональных изменений за счет ГП проекта; r – финансовая ставка дисконтирования; G_1 – прямой эффект институциональных изменений, включающий эффект прямой ГП (дисконтированная сумма бюджетного финансирования образовательной программы H_t и других целевых затрат I_t); ΔG_2 – эффект опосредованной косвенной ГП при предоставлении прямой поддержки; ΔG_3 – эффект косвенной поддержки при предоставлении налоговых льгот; ΔG_4 – эффект косвенной поддержки за счет ускоренного списания расходов на НИОКР; ΔG – суммарный эффект косвенной поддержки проекта. При этом осуществляется стимулирование инвестиций в человеческий капитал и НИОКР за счет перераспределения результатов проекта между частными участниками и государством.

Показатели эффективности проекта производства нанокерамики

Рассмотренные методы и модели были апробированы в многовариантных экспериментальных расчетах на примере расходов на образование и НИОКР в проекте производства нанокерамики, инициатором которого является ЗАО «НЭВЗ-керамикс» [5]. Формирование вариантов расчетов для рассматриваемого проекта прежде всего определялось различным сочетанием способов прямой и косвенной ГП. Следует отметить, что целевая программа Новосибирской области наряду бюджетными с ассигнованиями для образовательной программы включает финансирование других затрат в размере 45 млн. руб. В результате общая сумма прямой

ГП проекта составляет 195 млн. руб. вместе с финансированием образовательной программы. Проекту также предоставляются два вида целенаправленной косвенной ГП: во-первых, снижение платежей в региональный бюджет по налогу на имущество на общую сумму 81.5 млн. руб.; во-вторых, возможность использования повышенного коэффициента списания НИОКР для приоритетных областей исследования (в размере $k=1.5$).

В целом было сформировано 28 вариантов расчетов, в том числе 14 вариантов базового и 14 вариантов оптимистичного сценария. В рамках сценариев последовательно учитывались условия без капитализации и с капитализацией расходов на образование. Институциональные рамки проекта рассматривались сначала без ГП, затем при обособлении либо включении образовательной программы. В вариантах с государственной поддержкой последовательно добавлялась одна из форм ГП: прямая, опосредованная косвенная, косвенная за счет предоставления льготы по налогу на имущество и косвенная за счет ускоренного списания НИОКР.

В результате государственного стимулирования инноваций финансовая эффективность проекта для совокупности частных участников, измеряемая показателем чистого дисконтированного дохода при 10%-й ставке дисконтирования, увеличивается с 280.5 млн. руб. в варианте без ГП до 446.3 млн. руб. в соответствующем варианте с ГП. Количественный показатель общего эффекта ГП определяется указанным ростом ЧДД, равным 230.2 млн. руб. при расчете без дисконтирования или 165.8 млн. руб. при 10%-й ставке дисконтирования.

Предоставление ГП в условиях базового и оптимистического сценария приводят к одинаковым эффектам при расчете без дисконтирования. Однако динамика налоговых платежей и соответствующие дисконтированные показатели в рассматриваемых сценариях различаются, поскольку выплаты налога на прибыль в базовом сценарии по сравнению с оптимистическим перемещаются на более поздние периоды реализации проекта.

Два варианта базового сценария без ГП и с бюджетными ассигнованиями по направлениям, не связанным с

образовательной программой, очень близки к аналогичным двум вариантам оптимистичного сценария . Они различаются только соответствующим эффектом прямой ГП в размере 45.0 млн. руб. при расчете без дисконтирования за счет перераспределения средств между региональным бюджетом и частными участниками.

В случае государственного финансирования образовательной программы возникают аналогичные последствия прямой ГП. Обособление программы в соответствующем варианте базового сценария по сравнению с сопоставимым вариантом, а также в двух сопоставимых вариантах оптимистичного сценария приводит к росту в точности на сумму бюджетных ассигнований в размере 150.0 млн руб., выделяемых для финансирования образовательной программы, показателя ЧДД в рамках финансовой эффективности для частных участников (при расчете без дисконтирования). Одновременно на ту же сумму снижается бюджетная эффективность проекта, а рост удельного веса «НЭВЗ-керамикс» в суммарном ЧДД частных участников составляет 5,7% в сопоставимых вариантах базового сценария и 0,7% в сопоставимых вариантах оптимистичного сценария (при 10%-й ставке дисконтирования).

Обособление образовательной программы приводит также к возникновению опосредованной косвенной ГП проекта наряду с прямой. Это связано с тем, что расходы предприятия сокращаются на величину образовательных расходов, соответствующим образом изменяются суммы выплачиваемых налогов. Эффект опосредованной ГП возникает в результате того, что выплаты налога на прибыль увеличиваются за счет роста налоговой базы, и это приводит к и соответствующему снижению ЧДД проекта для частных участников.

Рассмотрим на конкретных цифрах при 10%-й ставке дисконтирования, как возникает эффект опосредованной ГП. В варианте базового сценария с учетом льготы по налогу на имущество ЧДД для частных участников составляет 404.0 млн. руб. и снижается на 15.4 млн. руб. по сравнению с сопоставимым вариантом без этой льготы. ЧДД для частных участников в оптимистичном сценарии аналогичное снижается в результате изменения налогов на сумму 17.5млн. руб.. Таким

образом, обособление инвестиций на образовательные программы приводит к возникновению отрицательного эффекта опосредованной ГП, частично компенсирующего положительный эффект прямой ГП. Другими словами, суммарный эффект прямой и опосредованной ею косвенной ГП равняется 165.0 млн. руб. при расчете без дисконтирования и совпадает в вариантах базового и оптимистичного сценариев, но различается при дисконтировании и составляет в базовом сценарии 123.5млн. руб. и в оптимистичном сценарии 121.5 млн. руб.

Капитализация расходов на образовательную программу при сравнении с сопоставимыми вариантами без капитализации приводит к различиям в связи с противоположным влиянием налога на прибыль и изменением ликвидационной стоимости. Если оцениваются проекты с обычной продолжительностью, инвестиции в целом, в том числе и в человеческий капитал не влияют существенно на величину ликвидационной стоимости. Это связано с тем, что в основном такие проекты успевают обеспечить отдачу капитальных вложений и практически полный износ основных фондов. Однако рассматриваемый проект необычен, поскольку инвестиции в образовательную программу осуществляются в середине его срока реализации . В результате их значительная часть, составляющая 20% от общих расходов, приводит к заметному росту ЧДД проекта, поскольку не успевает амортизироваться и включается в ликвидационную стоимость. Одновременно для всех вариантов с капитализацией характерно увеличение налога на прибыль, что отражает противоположную тенденцию. При капитализации расходов на образовательную программу в этих вариантах наблюдается уменьшение базы налога на прибыль из-за амортизационных отчислений (на более низком уровне и в более отдаленные периоды по сравнению с отнесением на единовременные расходы). В результате выплаты налога на прибыль увеличиваются, а ЧДД проекта снижается. Следует также отметить, что в оптимистичном сценарии по сравнению с базовым влияние на дисконтированные показатели более существенно.

Результаты расчетов по проекту продемонстрировали, что влияние ликвидационной стоимости перевешивает во всех вариантах по сравнению с сопоставимыми вариантами без капитализации, и ЧДД для частных участников возрастает. В итоговом варианте с капитализацией базового сценария финансовая эффективность проекта для частных участников составляет 471.1 млн. руб. при 10%-й ставке дисконтирования или 2 034.8 млн. руб. при расчете без дисконтирования. В итоговом варианте с капитализацией оптимистичного сценария соответствующий показатель ЧДД составляет 1022.5 млн. руб. при 10%-й ставке дисконтирования или 2 882.1 млн. руб. при расчете без дисконтирования.

Капитализация инвестиций в образование не оказала влияния на основные показатели эффективности проекта и участия в проекте в тех вариантах, когда она проводилась для обособления образовательной программы. В вариантах же с интернализацией расходов по образовательной программе наблюдалось существенное изменение всех основных показателей эффективности проекта. И в базовом, и в оптимистичном сценариях финансовый ЧДД проекта увеличился по сравнению с сопоставимым вариантом без капитализации на 24 млн. руб. при расчете без дисконтирования. При 10%-й ставке дисконтирования рост составил 9.4 млн. руб. в базовом сценарии, а в оптимистичном сценарии – 8.5 млн. руб.

При расчете эффектов ГП их соотношение в вариантах с капитализацией в основном аналогично вариантам без капитализации. Однако следует учитывать, что опосредованной государственной поддержки для соответствующих вариантов не возникает, поскольку они включают образовательную программу в базовый проект. Поэтому общий эффект ГП при расчете без дисконтирования в итоговом варианте с капитализацией выше на 30 млн. руб. по сравнению с сопоставимыми вариантами на величину опосредованной ГП и составляет 260.2 млн. руб. при расчете без дисконтирования.

Заключение

Применение различных инструментов государственной поддержки и соответствующих изменений институциональных

рамок проекта и договорных отношений между участниками, осуществляющими инвестиции в образование и НИОКР позволяет решать фундаментальную проблему разрыва между низкой финансовой и высокой экономической эффективностью.

Модель инвестиционного проекта с детализированным представлением инвестиций в НИОКР, дополнительного профессионального обучения и реализации образовательных программ формализует измерение последствий ГП и соответствующих изменений институциональных условий в денежном выражении.

Результаты экспериментальных расчетов показывают, как выбор определенного сочетания институциональных условий реализации проекта и соответствующего баланса интересов его непосредственных участников и общества в целом влияет на изменение уровней финансовой эффективности проекта и участия в проекте, возникающее за счет государственного стимулирования инвестиций в человеческий капитал и НИОКР.

Литература

1. A Guide to Cost-Benefit Analysis of Investment Projects. Economic appraisal tool for Cohesion Policy 2014-2020. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015.
2. The Oxford handbook of Human Capital, Ed. by A. Burton-Jones and J.-C. Spender. – Oxford: Oxford University Press, 2011.
3. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. Официальное издание. – М.: Экономика. 2000.
4. Новикова Т.С. Проектная экономика. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2012.
5. Горбачева Н.В., Евсеенко А.В., Новикова Т.С., Суслов Д.В, Унтура Г.А, Шмагирев А.В. Государственно-частное партнерство: оценка паритетности взаимодействия участников инновационного проекта // Инновации. – 2013. №5. – С. 45-55.
6. Human Capital. Advances in Theory and Evidence, Ed. by J. Hartog and H. M. van den Brink. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

7. The impact of vocational education and training on company performance. – Luxemburg: Publication Office of the European Union, 2011.
8. Massy J., Harrison J. Evaluating Human Capital Projects: Improve, Prove, Predict. – London: Routledge, 2014.
9. Savvides A., Satengos T. Human capital and economic growth. – Stanford: Stanford economics and finance, 2009.
10. Vining A. R. and Weimer D. L. An assessment of important issues concerning the application of benefit–cost analysis to social policy// JournalofBenefit–CostAnalysis. 2010. – v.1, № 1. p. 1-38.
11. Новикова Т.С. Оценка эффектов государственного стимулирования инвестиций в человеческий капитал на проектном уровне // Инновации. – 2018. – № 2. – С. 15–23.
12. Проектная экономика в условиях инновационного развития: концепция, модели, механизмы. – Новосибирск: Параллель, 2013.

РАСТВОРЦЕВ Е.Е.

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Оборот мирового рынка интеллектуальной собственности (ИС) вырос пятикратно с 2000 г. и достиг 700 млрд. долл. к 2016 г. Этот рынок является крайне монополизированным – 99% доходов получают страны с высокими доходами (37% США). В то же время, наблюдается и противоположная тенденция – перехват лидерства странами со средними доходами и увеличение их доли в мире по следующим показателям: по патентной активности с 9 до 60%, по регистрации товарных знаков с 39 до 73%, по высокотехнологичному экспорту с 16 до 39%.

Россия занимает ничтожную долю на мировом рынке ИС – 0,16% (2016) по доходам от ИС и в высокотехнологичном экспорте – 0,46%, доля в патентовании изобретений – 1,26%, в затратах на науку – 1,1% ВВП, при 4-5% доле исследователей мира. Такое положение с использованием научно-технологического потенциала говорит о необходимости дополнительных усилий по развитию и совершенствованию института ИС в России (особенно в области патентования изобретений, как основы инноваций) и системы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, относящихся к объектам промышленной собственности. Необходимо уделять внимание не только правовым аспектам развития рынка ИС (охране и защите), но и экономическим (эффективному ее использованию и коммерциализации).

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, промышленная собственность, изобретательская активность, коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности, экономика России.

RASTVORTSEV E.E.

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

THE PROBLEMS OF EFFECTIVE USE OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE RUSSIAN ECONOMY

The turnover of the world intellectual property (IP) market has grown fivefold since 2000, reaching \$700 bill. in 2016. This market is highly monopolized – 99% of charges are receipted to high-income countries (37% – US). At the same time, there is a completely opposite trend of interception of leadership by middle-income countries and an increase in their share in the world in the following indicators: patent activity from 9 to 60%, trademark applications from 39 to 73%, high-technology exports from 16 to 39%.

Russia occupies a very small share in the world IP market – 0.16% of income (2016) and in High-technology exports – 0.46%, at the same time, the share in Patent applications (residents) – 1.26%, in R&D expenditure – 1.1% of GDP, while the share of Researchers in R&D in the world – 4-5%. This suggests the need to intensify efforts to develop the IP market in Russia (especially in patenting inventions as a basis for innovations) and the system of commercialization of intellectual property, related to objects of industrial property. At the same time, it is important to develop not only the legal aspects of IP market (enforcement), but also economic aspects (efficient use and commercialization).

Keywords: intellectual property, industrial property, inventive activity, commercialization of the result of intellectual activity, the economy of Russia.

Основной движущей силой экономического роста в современную эпоху является научно-технический прогресс, а на долю новых знаний, воплощаемых в различных технологиях, оборудовании, образовании кадров, организации производства в наиболее развитых странах приходится от 70 до 90% прироста ВВП [1, с. 53].

Бурное научно-технологическое развитие, как системы взаимосвязей фундаментальной науки с технологиями,

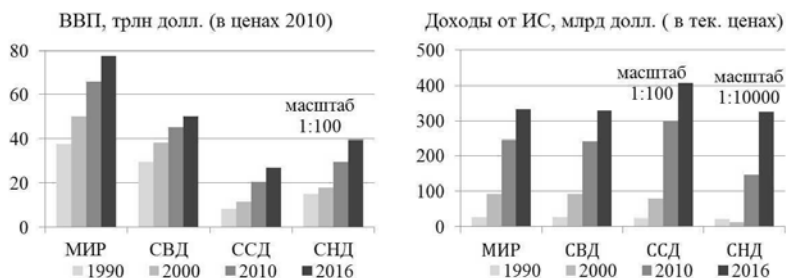
обращенными в производство, началось лишь с началом «Второй промышленной революции» в западных странах (конец XIX – начало XX вв.), когда темпы роста мирового ВВП стали в разы (в некоторых странах в десятки раз) опережать темпы роста мирового населения [2, Р. 377, 380]. Тем самым начался новый этап развития науки и интеграции ее с производством – от появления промышленных исследовательских лабораторий до разработки теоретических основ электротехники и синтеза химических соединений, и формирования соответствующих отраслей. Технологический прогресс стал во многом определяться усилиями государств в сфере НИОКР, а наука превратилась в непосредственную производительную силу [3, с. 41, 53-54].

В то же время, начал формироваться мировой рынок интеллектуальной собственности (ИС) и его правовое регулирование (Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г., Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 г., Мадридское соглашение о международной регистрации знаков 1891 г. и др.) [4]. Во второй половине XX в. мировой институт ИС как системная совокупность функций (технологической, экономической, социальной и др.) стал обеспечивать процессы воспроизводства, распределения и перераспределения новых высокоэффективных технологий и производств в мире [5].

За последние несколько десятилетий в развитых и развивающихся странах наблюдается опережающий рост рынка ИС в сравнении с ростом ВВП. По данным Всемирного Банка [6] за период с 1990 по 2016 г. полученные платежи за использование ИС в среднем по миру и по группам стран выросли более чем десятикратно, при почти двукратном росте ВВП за тот же период (Рис. 1). Мировой оборот на рынке ИС в 2016 гг. достиг 700 млрд. долл., при этом за 2000-2016 гг. наблюдается его пятикратный рост (в странах со средними доходами – десятикратный).

По данным статистики Всемирного банка, представленной на том же рисунке (Рис. 1), можно наблюдать еще одну тенденцию на мировом рынке ИС, связанную с сохраняющейся его крайне высокой монополизацией, когда 99% платежей за использование

ИС присваивают страны с высокими доходами (в т.ч. США – 37%).

Источник: Составлено автором по данным статистики Всемирного банка [6].

Рис. 1. Сопоставление динамики ВВП и доходов от ИС в мире²

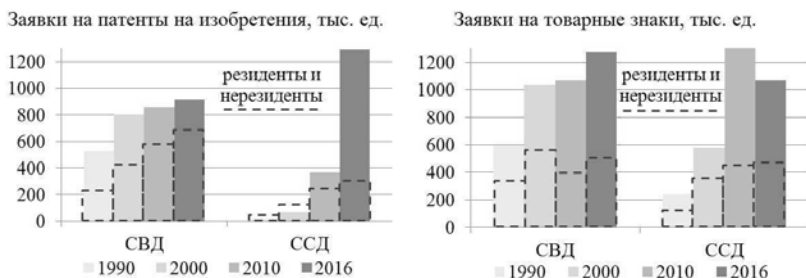
Влияние развития института ИС на экономический рост развивающихся стран (на примере Китая, Индии и др.) было доказано в совместном исследовании Всемирной организации ИС (ВОИС) и Университета ООН [7]. А отдельные объекты ИС (патенты на изобретения и полезные модели, товарные знаки и др.) и некоторые коммерческие и правовые показатели функционирования института ИС, в качестве ряда факторов, входят в расчеты интегрального, так называемого «Глобального индекса инноваций» [8], в котором Россия заняла 45-ю позицию в 2017 г. ИС и эффективность ее использования является одним из ключевых факторов формирования инновационной экономики, которая не может активно развиваться без укрепления института ИС.

Другой глобальной тенденцией на мировом рынке ИС стал перехват лидерства в патентной и деловой активности странами

² Здесь и далее в рисунках следующие сокращения: СВД, ССД и СНД – соотв. страны с высокими, средними и низкими доходами по классификации Всемирного банка.

со средними доходами – их доля в мире по патентным заявкам на изобретения от резидентов за период 1990-2016 гг. выросла с 3 до 58%, по товарным знакам – с 29 до 46% (максимальные значения – 62% было в 2010 г.) (Рис. 2). Также выросла их доля в мире по высокотехнологичному экспорту (с 16 до 39% в 2000-2016 гг.) и продолжает расти [6, 9].

Источник: Составлено автором по данным статистики ВОИС [9].

Рис. 2. Динамика заявок на патенты и товарные знаки в мире по группам стран

Основной вклад в эту тенденцию вносит Китай, в котором с 1990 к 2016 г. произошел 200-кратный скачок числа заявок на патенты на изобретения от резидентов (а доля в мире достигла 54%), но пока сохраняется отрицательное сальдо (22,8 млрд. долл.) по доходам от ИС. Можно предположить тем самым, что Китай занимается скупкой технологий (лицензий, патентов и др.) с целью их оптимизации для своей экономики и дальнейшего воспроизводства в виде «новых», отечественных изобретений. Высокотехнологичный экспорт в Китае с 1990-х гг. вырос 120-кратно и составил 26% в 2016 г. от мирового (в 2000 г. составлял 3,6%) [6].

В России рынок ИС в период 1991-2016 г. формировался заново и естественным образом вырос в десятки раз (по обороту) и достиг 5,5 млрд. долл., но лишь менее 10% из которых приходится на доходы, остальное на расходы [6].

В 1985-1988 гг., – годы наибольшей изобретательской активности, в СССР патентовалось порядка 160-180 тыс.

патентов в год, а доля в мире составляла 25%. При этом, доля иностранных заявителей в общем количестве заявок была менее 1%. Государство активно поощряло изобретательство и безлимитно финансировало выплату вознаграждений. Научно-технологические заделы того периода и в настоящее время еще используются для решения уже современных задач. Таким примером служат разработки жидкостного ракетного двигателя РД-180 [10, с. 60-61] в 1980-х гг., который начиная с 1990-х гг. и до сих пор применяется в ракетно-космической отрасли России и на экспорт.

В дальнейшем бюджетное финансирование изобретательства и выплаты вознаграждений сократились и с 1989 г. патентование пошло на спад, а к 1991 г. составляло уже 21,8 тыс. заявок на патенты. В новой России к 1995 г. патентование снизилось до 17,6 тыс. заявок от резидентов, достигнув дна. При этом значительно выросла доля иностранных заявителей – до 30% к общему числу заявок, а доля России в мире упала до 2,5%. К 2016 г. патентная активность составила 26,8 тыс. заявок, так и не преодолев с 1991 г. «психологический порог» в 30 тыс., а доля иностранных заявителей при этом постоянно возрастала и достигла 36% от общих. Таким образом, в настоящее время на каждые 2 заявки от национальных заявителей приходится в среднем 1 заявка от иностранных, а доля России в мире снизилась до 1,2% [9].

Другим важнейшим показателем развития института ИС в России является уровень патентования изобретений за рубежом. По этому показателю Россия также значительно отстает от промышленно развитых стран и некоторых лидеров среди развивающихся стран. За 2016 г. российскими заявителями было подано 2143 заявки, из которых более половины в США. В то же время, число заявок японских заявителей в США – 86 тыс., в Китае – 39,2 тыс., американских заявителей в Китае и Японии – 35,9 тыс. и 24 тыс. соотв. [11, Figure A19, P. 52-53.]. Эту проблему, как одну из ключевых в развитии института ИС обсуждали в Правительстве РФ в 2015 г. [12, с. 4-11], исследовали российские эксперты [10, 13, 14, 15], однако кардинально положение пока не поменялось.

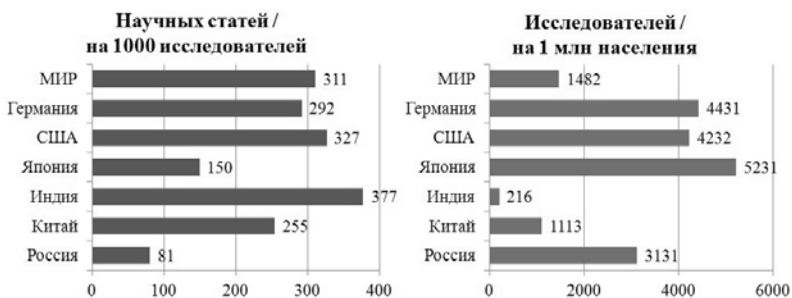
По еще одному показателю развития рынка ИС – числу заявок на товарные знаки, за период 2000-2016 гг. активность в России выросла от резидентов на 37% (от нерезидентов на 94%), достигнув 41,5 тыс. заявок (24,3 тыс. от нерезидентов), а доля в мире сократилась с 1,9 до 0,9% [9]. Таким образом, деловая активность за 16 лет выросла крайне слабо, по сравнению, например, с ростом ВВП по ППС на 74% за тот же период [6], а доля иностранных заявителей значительно выросла (более 50%).

При 4-5% исследователей мира, доле по патентованию изобретений – 1,2% от мировых и доле в затратах на НИОКР – 1,1%, высокотехнологичный экспорт составляет всего 0,46% мирового, а доля в получении дохода от использования ИС – 0,16% [6].

Такое положение говорит о том, что научно-технологический потенциал России снижается, а текущее его использование происходит не в полном объеме от доступного, экономика ориентирована на импорт высокотехнологичных товаров, рынок ИС слабо регулируется и развивается, и продолжает сжиматься, оставляя возможности его освоения и использования иностранными компаниями.

Отставание научно-технологического потенциала и уровня его использования в России от среднемирового и от промышленно развитых стран, а в некоторых случаях и от стран развивающихся, хорошо просматривается на примере некоторых удельных показателей. На рисунке 3 можно увидеть значительное (в разы) отставание России по публикационной активности на 1000 исследователей уже и от Китая – примерно в 3 раза. Число исследователей хотя и сокращалось с 1990-х гг., все еще остается по удельному показателю на высоком уровне – 3131 исследователя на 1 млн. населения, хотя и несколько отстает от США, Германии и Японии.

В общих затратах на НИОКР на 1 исследователя Россия отстает от среднемирового уровня практически в 4 раза, в 8-9 раз от развитых стран, и на 20% от показателя Индии (Рис. 4). Патентная активность на 1 млн. населения в 5-6 раз ниже, чем в Китае и США.

Источник: Составлено автором по данным статистики Всемирного банка [6].

Рис. 3. Удельные показатели научной публикационной активности и количества исследователей, 2016

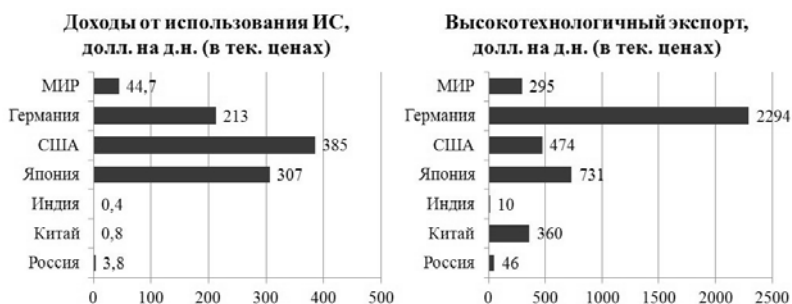

Источник: Составлено автором по данным статистики Всемирного банка [6].

Рис. 4. Удельные показатели затрат на науку и патентной активности, 2016

В результате такой деградации научно-технологического потенциала и катастрофического отставания в эффективности его использования, доходы от ИС на 1 человека в сотню раз отличаются от уровня в США. А по высокотехнологичному экспорту в 10 раз (Рис. 5).

Как отмечают российские исследователи, основная причина такого положения кроется в недостаточном внимании и непонимании ключевой роли развития института промышленной собственности (и ИС вообще) для перехода экономики России на преимущественно инновационный тип развития [16, с. 11-16; 17, с. 7-8; 18, с. 9-12; 19, с. 14-20; 20, с. 261-262 и др.]. А сама ИС воспринимается многими, как возможность признания и получения авторских свидетельств, а не как важнейший инструмент конкурентной борьбы компаний за рынки [21, с. 8].

Источник: Составлено автором по данным статистики Всемирного банка [6].

Рис. 5. Доходы от ИС и по высокотехнологичному экспорту на душу населения, 2016

В данной статье не рассматриваются правовые аспекты и несовершенство законодательства в области ИС. А конкретные проблемы на рынке ИС рассматриваются с точки зрения, во-первых, исключительно промышленной собственности (в большей степени изобретений), а во-вторых, в их экономических аспектах (интенсивность патентования, способы стимулирования и коммерциализации).

Таким образом, в наиболее общих чертах, для повышения эффективности использования ИС в экономике России, необходима интенсификация усилий государства по совершенствованию рынка ИС (особенно в области

патентования изобретений, как основы инноваций) и системы коммерциализации ее результатов. Пристальное внимание следует уделять не только правовым аспектам развития института ИС (охране и защите прав на объекты ИС), что характерно для большинства исследований и отражено в рекомендациях ВОИС и ВТО по разработке Стратегий в области ИС, в Договоре о ЕАЭС [22, Раздел 23 и Приложение 26] и других стратегических документах, но и экономическим аспектам – эффективному использованию и коммерциализации.

Следует отметить, что ключевой проблемой низкой изобретательской активности и уровня коммерциализации ее результатов является слабая заинтересованность промышленности в освоении этих результатов, слабая связь науки и бизнеса. Однако, среди некоторых других ключевых проблем и задач по увеличению патентной активности (изобретательской и рационализаторской деятельности в более широком смысле), современные российские исследователи выделяют следующие.

Во-первых, наблюдается слабое стимулирование изобретателей к патентованию и коммерциализации результатов. Поощрительное вознаграждение на предприятиях для авторов изобретений снизилось в несколько раз за последние годы [10, с. 62]. В некоторых исследованиях [23, с. 38-40; 24, с. 19-20] предлагается помимо увеличения размеров вознаграждений авторам за текущие результаты (оформление и получение патента, применение его в производстве, продажа лицензии, либо реализация по договору отчуждения), ввести вознаграждение за выдающийся вклад в отечественную и мировую экономику. В качестве таких выдающихся результатов предлагается рассматривать научные открытия и изобретения, расширяющие возможности человека и общества в новых областях знаний и формирующих новые рыночные ниши. Такие изобретения, по мнению авторов этих предложений, должны обеспечивать развитие приоритетных направлений науки и техники, либо являться новыми поколениями техники и технологий.

Во-вторых, для усиления изобретательской активности в университетской среде и «омоложения» науки, необходимо

активно заниматься вовлечением молодых исследователей и студентов в процесс изобретательства.

Хорошим стимулирующим эффектом для этого обладает коллективная творческая работа – в рамках специальных лабораторий для проведения НИР (и НИОКР) – и развития, таким образом, навыков прогностического, аналитического и творческого мышления. Такая работа должна быть ориентирована не только на достижение конкретного изобретательского результата, но и на выработку у молодых инноваторов чувства уверенности в свои силы и необходимых компетенций для дальнейшего самостоятельного научного и изобретательского творчества [13, с. 53-54; 14, с. 56-57]. Кроме того, можно предусмотреть введение обязательного предмета (особенно среди технических и экономических специальностей) по основам ИС. Такой подход может существенно повысить инновационную изобретательскую активность и тягу к познанию и творчеству среди молодых исследователей.

Другим средством усиления функции изобретательства и коммерциализации ее результатов в вузах может служить создание вузовских бизнес-инкубаторов, где наиболее успешные изобретения будут переходить в стадию их коммерциализации и создания на их основе новых малых инновационных предприятий при участии молодежи. Такие инкубаторы уже созданы во многих вузах России, особенно в технических. Но эффект от их создания остается также не ясным. На примере НГТУ и НГУ, где за последние годы регистрируется порядка 60 объектов ИС, доходят до стадии успешной коммерциализации лишь 1-2 в год³.

Представляет интерес подход к развитию университетской среды, как концепции «Университета 3.0», где обеспечивается совокупность функций обучения, исследований и коммерциализации знаний [25, с 33-34]. Концепция предполагает создание на базе университетов интегрированной предпринимательской экосистемы, в которой они становятся ключевыми поставщиками инноваций и выступают в роли

---

³ Данные по опросам сотрудников Патентных отделов НГТУ и НГУ.

агентов, хорошо управляющими результатами интеллектуальной деятельности. Однако пока в России отсутствует комплексный подход к такой оценке предпринимательской функции университета. Автором данной концепции предлагается рассматривать в качестве ключевого показателя эффективности такой экосистемы коммерческий результат по конкретным сделкам лицензионных договоров, договоров об отчуждении, сторонних договоров на выполнение НИОКР и др., что в целом не противоречит рассмотренным ранее механизмам, но и не содержит существенно новых подходов для повышения изобретательства.

В-третьих, в процессе стимулирования изобретательства, патентования и коммерциализации РИД, немаловажную роль играют содействующие лица (цеховики, технологи, снабженцы, рационализаторы, патентоведы и т.д.), стимулирование и поощрение которых законодательно не закреплено [24, с. 13]. Между тем, авторство и содействие должны «идти рука об руку», т.к. автор разработки не всегда готов самостоятельно выходить на рынок в силу отсутствия необходимых на то способностей. При этом необходимо исключать нетворческое содействие внедрению путем исключения из таковых руководителей служб, обязанных содействовать по своей должностной инструкции [24, с. 15].

Таким образом, были рассмотрены основные тенденции на мировом рынке ИС и положение на нем России. Особое внимание было уделено самым значимым для инновационного развития объектам промышленной собственности – изобретениям. Были показаны также основные негативные и опасные тенденции снижения научно-технологического потенциала России. И на основе некоторых современных исследований, показаны основные, чаще всего повторяющиеся, но не исчерпывающие данную проблему, задачи по активизации изобретательской активности.

Литература

1. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. – М.:

Институт экономических стратегий, Русский биографический институт, 2015. – 60 с.

2. Maddison A. *Contours of the World Economy, 1–2030 AD. Essays in Macro-Economic History*. Oxford University Press, 2007.

3. Акаев А.А. От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции: Математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 352 с.

4. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности. Подписана в Стокгольме 14 июля 1967 года и изменена 2 октября 1979 года. <http://www.wipo.int>

5. Леонтьев Б.Б. Функции международного института интеллектуальной собственности в мировой инновационной экономике. [Эл. ресурс]. Официальный сайт ВОИС. URL: <http://www.wipo.int/export/sites/www/dcea/en/presentations/leontiev.pdf>

6. The World Bank. DataBank. World Development Indicators. [Эл. ресурс]. URL: <http://databank.worldbank.org>

7. *Measuring the Economic Impact of IP Systems*, WIPO, 2007. - Режим доступа: http://www.wipo.int/portal/en/news/2007/article_0032.html

8. *The Global Innovation Index 2017. Innovation Feeding the World. Tenth Edition*. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org>

9. WIPO. IP Statistics Data Center. - Режим доступа: <https://www.wipo.int>

10. Савенков С.Ф. Изобретательская деятельность в России: проблемы поддержки и финансирования. // *Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность*. – №11. – 2017. – С. 57-64.

11. *World Intellectual Property Indicators. 2017*. WIPO.

12. Заседание президиума Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России. 17 февраля 2015 г. // *Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность*. – №3. – 2015. – С. 4-11.

13. Баширова А.Г., Галькеева А.А., Афанасьева О.В., Шамсутдинов Э.В. Поддержка изобретательской и рационализаторской деятельности на региональном уровне. // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – №2. – 2018. – С. 49-54.
14. Карманчиков А.И., Бегунова Е.В. Проблемы стимулирования изобретательской деятельности в вузе. // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – №2. – 2018. – С. 55-58.
15. Куракова Н.Г., Зинов В.Г., Цветкова Л.А. и др. Национальная научно-технологическая политика «быстрого реагирования»: рекомендации для России: аналитический доклад. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 160 с.
16. Леонтьев Б.Б. Две позиции Минобрнауки РФ в отношении интеллектуальной собственности. // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – №6. – 2017. – С. 11-16.
17. Яковец Ю.В. О стратегии охраны, защиты и использования интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе. Научный доклад. М.: ИНЭС, 2015. – 64 с.
18. Охрана и эффективное использование научных открытий и изобретений – основа стратегии инновационного прорыва. / Ред. Ю.В. Яковец. – М.: ИНЭС – МИСК, 2015. – 104 с.
19. Мухопад В.И. Коммерциализация интеллектуальной собственности. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. – 512 с.
20. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. – М.: Культурная революция, 2016. – 352 с.
21. Сенченя Г.И. Государственная политика повышения эффективности управления интеллектуальной собственностью в энергетическом секторе. // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – №12. – 2017. – С. 5-12.
22. Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
23. Леонтьева В.Б. Комплексное стимулирование изобретательской и инновационной деятельности. //

Интеллектуальная собственность. Промышленная
собственность. – №2. – 2018. – С. 37-48.

24. Леонтьев Б.Б. Проблема содействия инновациям. // Интеллектуальная собственность. Промышленная
собственность. – №3. – 2015. – С. 12-21.

25. Видякина О.В. Ключевые показатели эффективности инновационной экосистемы университета. // Интеллектуальная
собственность. Промышленная собственность. – №9. – 2017. – С. 31-38.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Адова И. Б. Институты социальной ответственности бизнеса: метрики и их ограничения на региональном уровне	10
Базарбаева Р.Ш. Институт собственности и его развитие в регионах Кыргызской республики	21
Бондаренко И.В. Изменение институциональных условий развития предпринимательства в контексте реформы контрольно-надзорной деятельности	31
Валиева О.В. Внутрикorporативные институты и рутины: Власть структуры или структура власти	40
Капогузов Е.А., Ковеченкова А.А. Инициативное бюджетирование в регионе: институциональные барьеры, традиции и инновации	47
Литвинцева Г.П., Гахова Н.А. Изменения в базовом и транзакционном секторах регионов Сибирского федерального округа	61
Маркелов В.А. Торгово-промышленная палата как форма государственно-частного партнерства	78
Новикова Т.С. Институциональные проблемы моделирования инвестиций в человеческий капитал в инновационных проектах	88
Растворцев Е.Е. Проблемы эффективного использования интеллектуальной собственности в экономике России	101

ЭКОНОМИКА СИБИРИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

Том 6
Традиции и новации
в институциональном развитии регионов

Сборник статей

Под редакцией
д.э.н., профессора Г.П. Литвинцевой,
к.э.н. О.И. Гулаковой

Верстка *О.И.Гулаковой*

Подписано к печати 16 июля 2018 г.
Формат бумаги 60x84¹/₁₆. Офсетная печать.
Объем 7,5 п.л. Уч.-изд.л. 6,5. Тираж 65 экз. Заказ № 132

Издательство ИЭОПП СО РАН
630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17

Отпечатано в ООО «Офсет-ГМ»
630004, г. Новосибирск, ул. Вокзальная магистраль, д. 4/2
